

УКРОТИТЬ ЛОВЕЛАСА

СЫГРАЙ
В ЛЮБОВЬ
ПО НОТАМ

ДАРЬЯ СОЙФЕР

Дарья Владиславовна Сойфер

Укротить ловеласа

Серия «Счастливые истории Дарьи Сойфер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62034092
Укротить ловеласа / Дарья Сойфер: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-116022-7

Аннотация

Бойкая девочка со смешными косичками и стеснительный очкарик. В детстве Платон и Надя были лучшими друзьями и мечтали однажды пожениться. Но он вырос из гадкого утенка в прекрасного принца. Теперь он – талантливый музыкант, его окружают поклонники и, конечно, поклонницы. Вот только без Нади он бы так никогда и не узнал, что такое настоящий успех. Много лет она помогала Платону, однако ее труд и верность так и остались незамеченными. Теперь варианта у нее два: развернуться и уйти или взять и укротить ловеласа. Главное – самой не попасть в его сети.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дарья Сойфер

Укротить ловеласа

© Кулыгина Д., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Пятнадцать лет назад

– Народ, а что это у него там? – мальчишка спрыгнул со спинки парковой скамейки, выпрямился во все свои полтора метра и прицельно сплюнул.

– Маманю свою тащит, – сострил второй, и чумазая стайка шпаны радостно загигикала.

Платон поправил лямки виолончельного чехла, ускорил шаг. «Делай вид, что тебе все равно, и обидчики сами отстадут», – так говорила ему мама. А мама никогда не ошибается.

– Эй, ты глухой, что ли? – камешек звонко ударился о пластиковый чехол и отскочил.

«Мне все равно», – как мантру повторял Платон, беззвучно шевеля губами. – «Они просто завидуют».

– Ты че, не видишь, у него ж полный рот! Хаваает чего-то! Хомячина! – и снова гогот.

По правде говоря, Платон уже с утра не ел, и от этого было вдвойне обидно. В школе отобрали мамины пирожки с рисом. Такие круглые, аккуратные, чуть припорошенные мукой, будто заиндевелившие. И нежные: ешь их, и даже во рту сухо не становится, запивать не надо. Четыре штучки – и все отобрали. А на обед из-за музыкалки Платон по вторникам

ну никак не успевал.

– Слышь, толстый! Да стой ты, когда с тобой говорят! – меткий плевала догнал Платона и дернул за рукав. Так резко, что из-за тяжелого инструмента Платон качнулся, как маятник метронома. Но устоял и даже вовремя успел приподнять голову, чтобы очки не слетели: дужки совсем разболтались.

– Я спешу.

– На гитару свою опоздать боишься? – плевала явно изнывал от скуки, и теперь ни в какую не хотел упустить единственное за день развлечение.

Платону подумалось, что эти мальчишки похожи на городских голубей. Мотаются, неприкаянные, высматривают, чем поживиться, возмущенно курлыкают и вот точно поптычи вытягивают шеи.

Платон слегка подпрыгнул, приноравливаясь к весу инструмента. И почему не пошел на скрипку, как Надя?

– Это виолончель.

– Да врет он! – влез остряк. – Жратва у него там.

– Пожежь, – плевала ткнул пальцем в чехол.

– Не могу, я спешу, – упрямо повторил Платон, и уже собрался развернуться, как его снова схватили за рукав. – Пусти!

Он дернулся изо всех сил, но мальчишка, хоть был и ниже на голову, и минимум вдвое легче, вцепился как клещ.

– Пусти!

– А то что? Маманю позовешь?

– Да я... Тебе так врежу... Что у тебя будет перелом! Открытый! Со смещением! – Платон очень старался говорить с ними на их языке, но сам понимал, как жалки его потуги. Ну не умел он драться, и с языками у него всегда были проблемы. Математика – пожалуйста, чтение – одни пятерки. А языки – ни в какую. До кровавых слез репетиторов.

– Чего-чего у меня будет?! Народ, вы слышали? – плевала зашелся хохотом и неожиданно для Платона ослабил хватку.

Физику в третьем классе еще не проходили, и об инерции Платон не подозревал. Это его и подкосило: он так отчаянно пытался вырваться, что не устоял и полетел на асфальт. К счастью, удар пришелся на локоть, не на виолончель.

– А ну, отошли от него! – звонкий Надин голос прозвучал как эльфийский горн, разгоняющий орков.

Платон нашарил в пыли очки, кое-как водрузил на нос, – сломанная левая дужка печально болталась, – и посмотрел на свою спасительницу.

Она, казалось, вообще ничего не боялась. Даже скрипку держала, как автомат Калашникова, и любой, кто попадался ей на пути, инстинктивно чувствовал: смычком тоже можно поколотить.

– А ты еще кто? – плевала еще хорохорился, но смешки на скамейке стихли.

– Вопрос, кто ты, – Надя угрожающе двинулась на мальчишку. – Чтоб ты знал, у меня папа – мент. Одно слово – и тебя в детскую комнату заберут, чепушила! Понял? Понял,

я тебя спрашиваю?!

И поскольку плевала ничего не ответил, Надя вдохнула глубоко-глубоко, словно собралась надуть огромный воздушный шар, и над парком разнеслось ее зычное:

– Па-а-па-а!

Истерично хлопая крыльями, вспорхнули с деревьев птицы, а стайки шпаны на скамейке как не бывало.

– Ты цел? – Надя помогла Платону встать, и оба побрели к музыкалке.

– Локоть немного... – он потер ушибленное место. – Ну точно, синяк будет. И очки... Зачем ты им про папу-мента сорвала?

– А как они проверят?

– Ничего, – Платон привычно подпрыгнул, поправляя виолончель за спиной. – Я вот накачаюсь и так им наваляю... Когда-нибудь...

– Ну да, ну да, – Надя ответила без сарказма, скорее, задумчиво. Уже витала где-то далеко в своих мыслях.

– А у тебя как?

Он чувствовал: она не в духе. Слишком хорошо ее знал. И эти вмятины от зубов на нижней губе, и ритм шагов... Маршевый такой, как в «Прощании славянки». На четыре четверти.

– Она опять сказала, что у меня руки-крюки. И на отчетный концерт не допустит... – Надя поморщилась.

– Ирина Федоровна?

– Ну! Я эту сонатину два часа выдрючивала, а ей хоть бы хны!

– Не волнуйся, на следующий концерт точно возьмут.

– Ну да, ну да... Есть хочешь? – Надя вытащила из кармана бутерброд в пакете.

– А ты точно не?... – Платон с такой тоской сглотнул слюну, что Надя просто протянула ему свой обед. Весь.

– Я не голодная.

– Знаешь, – Платон остановился перед входом в музыкалку: не любил есть перед кучей народа. – Ты мой лучший друг.

– Да брось ты...

– Нет, правда, – он проглотил кусок и посмотрел на Надю очень серьезно. – Я даже думаю, что женюсь на тебе, когда вырасту. И будем дуэтом выступать.

– Ну да, ну да... – она загадочно улыбнулась и толкнула дверь в музыкальную школу.

– Нет, правда. Ты что думаешь?

– Балда ты, Платон, – и, качнув косичкой, шагнула внутрь.

Глава 1

Наши дни

Она поднималась по лестнице решительно и неотвратимо. Как папа всегда говорил, забивала ногами гвозди. Всю жизнь боролась с тяжелой походкой. Как только научилась ходить, так маме стало прилетать от соседей:

– У вас там строевая подготовка?

– А вы в курсе, что в квартире нельзя держать копытных?

– У нас люстра качается!

– Сколько у вас народу вообще бегают?

Или просто по батарее: «Бом! Бом! Бом!».

Забавно, что детей в семье Павленко было много, – пятеро. Но звонкими пятками природа одарила только среднюю, Наденьку. Хворостинка в чугунных ботинках, – так ее еще папа называл. Уж и старалась с собой бороться, наступала сначала на носок, ходила медленнее. Временами даже получалось, но сегодня выдался прекрасный повод крошить ступени каблуками.

Семь часов. Самолет – в одиннадцать. Билеты месяц назад заказаны. Репетиция – уже сегодня вечером, то есть позже лететь – не вариант. И что Платон? Ни-че-го. Тотальная непрошибаемая тишина. Тринадцать звонков на мобильный, столько же – на домашний, двадцать голосовых и несколько

имейлов. Ну так, на всякий.

Надя поднялась на третий этаж, остановилась у знакомой двери. Уже занесла руку, чтобы атаковать кнопку звонка, но в последнюю секунду замерла. Принюхалась как ищейка, ноздри хищно затрепетали: женские духи. Прислонилась ухом к двери. Человек без абсолютного музыкального слуха мог и не уловить мелодичное хихиканье по ту сторону. Но Надя не так просто провела детство со скрипкой в обнимку.

– Ну да, кто б сомневался, – вытащила из сумки свою связку ключей, отперла и прямо так, не разуваясь, бесцеремонно двинулась вглубь квартиры.

Абсолютным слухом обладала не только Надя. К тому же она относилась к тем редким девушкам, которых по походке можно узнать издалека без особых специальных навыков. Поэтому еще до того, как вломиться в спальню, Надя услышала шумную возню и удивленно-вопросительное девичье бормотание.

Мизансцена, представшая перед Надей, впечатляла. Девушка, похожая на молочного тельца. Не фигурой, нет. Взглядом. И белый, как кожа британской аристократки, зад Платона. Он, очевидно, думал, что если активно пихать своему теленочку джинсы, она быстрее оденется. Со стороны это выглядело, как будто Платон просто втирал одежду девушке в живот.

– Отлично, – Надя прошествовала через всю комнату, раздвинула шторы, впуская слепящий солнечный свет, и рас-

пахнула окно. – Ты на часы смотрел?

Уж слишком густ был застойный комнатный воздух. Так всегда бывает, если кто-то налегал на физическую активность.

– Надюш, вот честное слово! Я бы через полчаса уже вышел! – Платон, подпрыгивая на одной ноге, влез в трусы, и Надя позволила себе к нему повернуться.

Не то чтобы очень сильно хотелось созерцать этого похотливого засранца, но орать на человека проще, когда смотришь в его бессовестные глаза.

Взгляд, конечно, предательски скользнул ниже его глаз и вообще ниже физиономии. Надя не могла осуждать девочку-теленка: Платону было чем похвастаться. Мышцы, заработанные годами адских тренировок и диет, действовали на женщин гипнотически. И Платон ни разу не упускал случая этим воспользоваться: он будто задался целью всему миру продемонстрировать плоды своих усилий. Из-за этого находиться с ним в одном помещении порой было невыносимо. Уж точно тяжелее, чем с пухляшом, которого Надя любила в детстве.

Заготовленная тирада рассыпалась, еще даже не попав на язык: до того умильно и виновато взлетели вверх брови Платона.

– Значит так, ты – в душ, а ты, – Надя повернулась к девице. – Собирайся и сделай так, чтобы через пять минут я забыла, как ты выглядишь.

– А ты кто такая?! – девушка предприняла невинную попытку атаковать. Не знала, бедная, с кем связалась.

– Его жена, – отрезала Надя. – Вопросы есть?

Вопросов не оказалось. Нет, девушка попыталась, невразумительно хватая ртом воздух, что-то предъявить Платону, но Надя опытной и твердой рукой выпихнула его в ванную и заперла дверь снаружи. Оставшись с Надей один на один, девочка-теленочек приняла единственное верное решение и, одевшись, испарилась.

Надя бы с удовольствием присела сейчас, перевела дух. Выветрила этот пошлый парфюм. Или ушла сама, чтобы на какое-то время развидеть Платона. Но устроить концерт в Вене с симфоническим оркестром... Ради этого ей пришлось вывернуться наизнанку. Любой другой виолончелист обнял бы ее ноги и целовал коленки из благодарности. Нет, она не ждала этого от Платона, но банально вовремя собраться он ведь мог бы из уважения... Или нет?

Надя нагнулась, вытащила из-под кровати чемодан. Так и есть: пустой, как в день покупки. И пыльный, как из дома с привидениями. Неисправимый субъект. Не чемодан, конечно. Платон.

Надя распахнула двери гардероба: концертный костюм – обязательно. Черный, что с атласными отворотами, более торжественный. Для Вены – хорошо. Зато тот, что выглядит попроще, сшит на заказ. В нем у Платона фигура такая... Женская половина публики оценит. И женская поло-

вина оркестра, как водится. Опять стаскивать его с какой-нибудь флейтистки... Так, костюм. Во втором играть удобнее, не врежется в подмышки. Да, его. Рубашки белых минимум три, а то мало ли. Для репетиций черной водолазки будет достаточно, в Европе так половина музыкантов ходит. Футболки в номере ходить... А, туфли концертные! Чуть не забыла. Если костюм простой, то туфли можно лакированные.

Чемодан был почти собран, когда Платон напомнил о себе барабанной дробью в дверь ванной. Надя так старательно укладывала вещи, что чуть не забыла взять самое главное. Самого главного, если точнее.

Она спешно открыла, впустив Платона вместе с облаком пара.

– Ты еще дуешься? – спросил он, окатив ее запахом шампуня и зубной пасты.

Трудно было говорить с ним, когда он стоял вот так, в полуметре от нее, совершенно мокрый и в одном полотенце на талии, как древний египтянин. Была бы на месте Нади любая другая девушка, Платон бы непременно приосанился, поиграл мускулами, позволяя каплям воды медленно стекать вниз, обрисовывая рельеф. Но поскольку Надя была всего лишь Надей, Платон просто тряхнул мокрыми волосами, забрызгав ее блузку, чем моментально развеял всю неловкость.

– Обсудим это в самолете. Да, ты летишь без наушников, – Надя отвернулась, силясь вспомнить, зачем она вообще подвизалась на эту неблагодарную работу.

Ответ был прост и состоял из двух слов: Римма Ильинична. Мама Платона.

Вряд ли на этом свете нашлась бы женщина, любившая сына больше, чем Римма Ильинична Барабаш. Надя иногда даже завидовала Платону: ей самой такой лошадиной дозы родительского внимания не доставалось никогда. Когда ты третий по счету ребенок из пяти, зажатый между первенцами и младшенькими, то если тебе не забыли выдать порцию сладкого и карманных денег, да еще и вспомнили про день рождения – это уже счастье.

То ли дело Платон: он был для мамы центром мироздания. Ему покупали новую одежду, нанимали репетиторов, нагружали кружками и секциями. Он жаловался, конечно, что мама не дает ему продохнуть и врывается во все уголки его жизни от уроков до первого прыща или первого волоса на груди. Но Надя, лежа вечерами на нижнем ярусе кровати и пиная верхний, чтобы старшая сестра не так громко шепталась по телефону с кавалером, мечтала поменяться с Платоном местами. Потому что когда она выстригла себе в шестом классе челку канцелярскими ножницами, смену прически родители заметили только через неделю. И то потому, что на нее нажаловалась Юлька, старшая сестра: Надя взяла ее лак для волос, чтобы эту челку уложить.

Временами Надя думала, что родись она у Риммы Ильиничны, могла бы тоже стать звездой музыкальной школы и поступить в консерваторию. Но не сложилось: никто не сле-

дил за ее правильной постановкой рук, не велел представлять под пальцами невидимую подушечку. И когда Надя пошла на консультацию к педагогу из музыкального училища, ей, не стесняясь в выражениях, дали понять, что вот такими клешнями играть – это насилие над инструментом, переучиваться поздно, и вообще: «Вы, деточка, профнепригодны, идите лучше на бухгалтера».

На бухгалтера Надя, само собой, не пошла, а вместе с братом Димой, который как раз на год после школы отлучился в армию, поступила на отделение по связям с общественностью в один из московских вузов с замысловатой аббревиатурой на входной табличке.

Платона она не видела порядка шести лет, пока однажды не столкнулась в продуктовом с Риммой Ильиничной. Та разохалась-разахалась, куда, мол, Наденька, пропала, затащила в гости на чай и принялась хвастать Платошиными успехами.

Надя тогда только-только устроилась на работу в концертное агентство, и, узнав об этом, Римма Ильинична закусил удила. Мол, Надя просто свято обязана в память о старой дружбе заняться продвижением Платона. Он – ее счастливый билет в светлое будущее, потому что талантливее виолончелиста еще не хаживало по землям нашей бескрайней родины.

Тогда Надя отнеслась к уговорам Риммы Ильиничны скептически. Да, в музыкалке Платон Барабаш подавал на-

дежды, но то ведь была простая районная школа, не Гнесинка какая-нибудь и не ЦМШ. И если бы Наде платили всякий раз, когда она слышала родительские восторги в адрес обычных, ничем не выдающихся музыкантов, она бы давно скопила на собственное шале в Альпах. Но, во-первых, с Платоном Надя в детстве и вправду дружила крепко, а во-вторых, не родился еще человек, способный отказать Римме Ильиничне.

Концерт был по всем меркам скромный. Центральный дом работников искусств, что на Кузнецком мосту, – место не самое престижное, – и тот был заполнен едва ли на треть. И Надя, устраиваясь во втором ряду, уже репетировала про себя тактичные способы вывернуться. Мол, Платон – гений, конечно, но я пока всего лишь ассистент, и ничего не решаю. И руководство у нас строгое, берет только лауреатов международных конкурсов. И условия там драконовские: штрафы, неустойки, а уж проценты и вовсе такие, будто оброк с барщиной еще никто не отменил. Так что мой вам добрый совет: обходите наше агентство стороной, ищите частного импресарио, и будут вам мировые гастроли и толпы поклонников.

Однако когда на сцене появился мужчина с виолончелью, Надя даже не сразу признала в нем Платона. От пухлого очкарика не осталось и следа, и только по каштановой чуть выходящей шевелюре и придыханию Риммы Ильиничны Надя поняла, что там, в нескольких метрах от нее, сжимает гриф ее бывший однокашник. Высокий, подтянутый и без-

божно привлекательный однокашник.

И где все семь лет музыкалки прятались под округлыми щеками эти резко очерченные скулы? Откуда взялась эта крепкая шея с острым кадыком? Неужто Римма Ильинична перестала печь знаменитые рисовые пирожки и румяные шанежки, из-за которых Надя мечтала поселиться у Барабашей? Куда делись затравленный взгляд и сутулая, чуть подпрыгивающая походка?

А потом, когда отгремели жидкие аплодисменты и откашлялась старушка в последнем ряду, Платон заиграл. Точнее, играл не он один, но Надя не слышала ничего, кроме густого плача виолончели. В руках Платона инструмент пел. Окутывал сочными тембрами все существо, добирался до самого нутра и доверительно изливал душу.

Сколько раз Надя бывала на концертах? Пора бы уже привыкнуть, следить за техникой и не впечатляться так, будто перед ней только что распахнули ворота в мир классической музыки. Но в тот вечер Надя забыла и о работе, и вообще обо всем. Сердце болезненно сжалось, словно виолончель пела только для нее, словно знала все Надины обиды и горести и утешала ласково: «Поплачь, милая. Я с тобой».

Наде казалось, что чья-то теплая рука гладит ее по макушке, что она снова стала маленькой девочкой, а любимая бабушка ее жива. И можно посидеть рядом, поджав ноги и уткнувшись носом в цветастый фартук, который пахнет мукой и еще немножко – хозяйственным мылом, и послушать

старинную колыбельную.

Платон не играл ноты: он жил мелодией, слился с ней, будто прямо здесь и сейчас рождался под его смычком этот ре-минорный ноктюрн. Надя смотрела, как Платон покачивается, охваченный музыкой, как поблескивает от пота его лицо, вздуваются на шее вены, а волосы падают на лоб. Так выглядит человек, умиротворяющий стихию.

Когда отзвучали последние аккорды, Надя судорожно втянула воздух и поняла, что ее щеки мокры от слез. Такого с ней еще не случалось. И еще до того, как первый благодарный слушатель хлопнул в ладоши, Надя знала: она костыми ляжет, но перехватит Платона до того, как его откопают другие агенты.

Он был со всех сторон идеальный клиент. Мало того, что играл, как Ростропович, так еще и понимал: без помощи импресарио ему не пробиться.

В стране, где агентский бизнес трудно назвать процветающим, музыканты средней руки предпочитают сами заниматься организацией концертов и гастролей. Как минимум, чтобы не терять процент от и без того мизерного гонорара. Ну и традиционная русская недоверчивость: того и гляди облапошат! Наш человек на все горазд: деньги в трусы зашьет от воров и кризиса, от эпидемии бусы из чеснока повесит. Подумаешь, устроить себе концерт-другой!

Именно поэтому Надя и наблюдала, как пропадают в безденежье и неизвестности талантливые музыканты. Не сел в

Большой театр на хорошую зарплату – все, пристраивайся в крематорий на похоронах играть. Потому что трудно творческому человеку вертеться, как носок в стиральной машине, влезать в каждую щель и заговаривать зубы нужным людям.

А Надя... Она как будто для этого специально росла в большой семье. Мама, сама того не подозревая, давала средней дочери мастер-классы по выживанию в этом большом и суровом мире. Выбить очередную субсидию? Льготную путевку в приличный лагерь? Продвинуться в очереди на квартиру? С мясом выдрать у властей бесплатный земельный участок? Да после этого Надя могла, не моргнув глазом, уделить самую матерую паспортистку. Что уж говорить о рядовых директорах концертных залов?

За пару минут, пока Римма Ильинична вела Надю в примерку, еще до того, как Платон широко улыбнулся и выдал: «Ого! А ты совсем не изменилась!», Надя успела мысленно узреть грандиозный триумф, который ждал ее с Платоном. Команда мечты – вот как их следовало назвать. Его богоподобная игра, помноженная на ее деловую хватку, – и мир, дрогнув, упадет к их ногам.

Надя не учла одного: вместе с лишними килограммами Платон потерял всякую совесть. Временами он вел себя мило и душевно, снова становился ее трогательным другом, почти родным человеком. А временами, когда кровь отливала от его мозга вниз, заставляя последний иссыхать от феерического идиотизма, Платон устремлялся на поиски приклю-

чений за стрелкой своего природного компаса. Кобелировал, если коротко. И тогда, – даже не со зла, а просто в тестостероновом тумане, – Платон забывал обо всем. О концертах, репетициях, встречах. О том, что если ты-таки явился на репетицию, то хорошо бы захватить ноты. И без смычка играть на виолончели довольно затруднительно.

Из агента, из уважающего себя концертного директора Надя постепенно превратилась в няньку. И как Римма Ильинична, столько сил отдавшая образованию сына, забыла втемяшить в его талантливую башку, что чужих тетя трогать не надо, потому что от этого бывают болячки?

– Зря ты сказала ей, что ты моя жена, – Платон выдернул Надю из печального прошлого, чтобы погрузить в не менее безрадостное настоящее. – Это выставляет меня в дурном свете.

Надя чуть не поперхнулась – было бы чем. Из-за того, что пришлось нестись к Платону через весь город, не успела даже позавтракать.

– А ты собирался ей перезвонить?

– Ну... – Платон задумчиво наморщил лоб: Надя так и видела, как у него перед глазами высвечивается шкала женской привлекательности. – Вряд ли.

– Тогда скажи спасибо, не придется оправдываться, – она швырнула в чемодан несколько пар носков и с облегчением застегнула молнию: одним делом меньше.

– Как думаешь, это злокачественное? – вдруг донеслось

ей в спину.

Надя обернулась: Платон сидел на кровати, натянув джинсы по колено, и задумчиво разглядывал родинку на левом плече.

– Ты долго будешь одеваться? Серьезно, у меня племянник быстрее в садик собирается.

– Не помню, она раньше у меня была или нет... Не знаешь хорошего дерматолога?

У Нади во рту бурлили всякие разные слова в адрес «злокачественной» родинки Платона и хождения по дерматологам. Но слова эти пришлось проглотить: хоть что-то. Такими темпами дожить до полноценного завтрака Наде удастся уже ближе к ужину. Опыт подсказывал ей, что проще успокоить Платона, чем спорить с ним, да и на споры у Нади не было ни сил, ни времени.

Поэтому она подошла к мужчине, в чьих глазах читалась тревога о неминуемой близкой кончине. Ох, как же хотелось отхлестать его, отлупить от души, чтобы привести в чувство! С какой старательностью и методичностью он испытывал ее терпение!

Надя глубоко вздохнула, подождала, пока кислород пробежит по организму и соберет излишки ярости, а потом склонилась над плечом Платона. Родинка была самая обыкновенная. Ничем не выдающаяся. Посредственная донельзя. А кроме того, она была у Платона еще с детства.

Но Надя почему-то замерла, пытаясь это сформулировать.

Она знала, что должна что-то сказать Платону, но не могла вспомнить, что именно. Взгляд упрямо пополз от родинки дальше по плечу к крепкой шее и ключичной впадинке, где застыла последняя капля воды, которую почему-то очень хотелось подцепить кончиком пальца.

И Надя бы так и сделала, к вящему своему стыду, если бы в эту самую секунду телефон в ее заднем кармане не грянул трелью.

– Да! Это меня! – судорожно пробормотала она, хватаясь за гаджет.

– Я в курсе, – Платон бросил на нее озадаченный взгляд: мол, может, это не меня стоит показать специалисту? – Телефон же твой.

– Ага!

Надя хотела мазнуть пальцем по экрану, чтобы ответить, но телефон выскользнул из отчего-то вспотевшей ладони и с глухим стуком упал на ковер.

– Я... Я сейчас...

– Давай я...

Они пробормотали это одновременно, но Надя так спешила нагнуться первой, что не рассчитала и коснулась рукой того, что трогать никогда в своей жизни не планировала. Не в смысле вообще, а в смысле у Платона.

– Извини, я... – Наде показалось, что она вот-вот задохнется. – Я отвечу... – Телефон все же удалось подцепить дрожащими пальцами, и Надя ответила на звонок, прочитав имя

Саши, но не сразу заметив, что набрал он ее по видеосвязи. – Привет, милый.

Она резко выпрямилась, одернула блузку, но помогло это слабо. Вид у нее был, как у человека, застуканного на месте преступления. Щеки горели, волосы растрепались, а глаза норовили выскочить из орбит.

– А ты где? – Саша обеспокоенно шурился в телефонную камеру, и Надя повернулась так, чтобы он не мог разглядеть за ее спиной сексодром Платона. – Ты в порядке вообще?

– Я?! Конечно, в порядке! – Надя попыталась придать голосу убедительности. – Собираюсь в Вену, предупреждала же. Забыл?

– Не я один, – шепнул Платон, довольный своим чувством юмора, и Надя показала ему кулак.

– Ты так и не сказала, где ты! – Саша вытянул шею, как будто это помогло бы ему увидеть всю комнату. – Я приехал, а твоя сестра говорит, что тебя со вчерашнего вечера не видела.

Ну Машка! Зараза мелкая! Восемнадцать лет, а ведет себя... Все потому, что Надя отказалась прикрыть ее перед родителями, когда Маша намылилась на Казантип с друзьями. И надо было Саше именно сегодня сыграть роль ревнивого жениха! Только ведь в субботу вместе ужинали, мало ему, что ли?

– А зачем ты вообще при... – и тут Надю осенило.

Воспоминание ослепило вспышкой: вот Надя проверяет

документы в визовый центр, а в наушнике у нее что-то болтает Саша. Мол, опять ты куда-то улетаешь... Опять с ним... Давай я хотя бы отвезу тебя в аэропорт... Конечно, милый. Твою ж! Все из головы вылетело, когда Платон не взял трубку, и пришлось мчаться к нему...

– Малы-ы-ыш, – полувопросительно-полувиновато протянула она.

И как Платон делает это невинное выражение лица, даже когда его поймаешь без штанов? Этот честный-пречестный взгляд, – вот как у него получается?

– Ты забыла, – отрезал Саша. – Ты опять про меня забыла. Я вообще тебе нужен? Хоть немного? – он сделал паузу, давая Наде возможность оправдаться, но не успела она сформулировать правильные извинения, как он нанес следующий удар. – Ты опять у него.

Это был даже не вопрос, и Надя неопределенно склонила голову набок. При желании этот жест можно было принять и за «да», и за «нет», – по желанию вопрошающего. Но Саша уже все для себя решил.

Надя набрала в легкие воздуха, чтобы наплевист Саше, почему Платон ну никак не мог обойтись без ее помощи, – что-то про форс-мажор, это всегда звучит солидно. Но Платон в кои-то веки решил повести себя по-дружески. Прийти на выручку товарищу.

– Малыш! – бодро воскликнул он, как Карлсон, подскочил к Наде и весело помахал на камеру. – Честное слово, все

невинно! Мы просто собираем мой чемодан. А то я ночью не успел... Не до того было, сам понимаешь. Так что ты Надюшу не ругай, я тебе ее верну в целости и сохранности.

Надя обреченно провела по лицу пятерней. Да, в дружеской помощи лучше тренироваться заранее. Не умеешь – не суйся. И если уж тебе приспичило убедить парня своей подруги, что у тебя с ней ничего нет, попробуй для начала одеться.

Глава 2

– Да ладно, ну сколько можно злиться! – Платон миролюбиво пихнул ее плечом: уже второй час ластился, как котенок. Разве что пузиком кверху еще не падал, демонстрируя полную покорность.

Надя отвернулась к иллюминатору. Обычно в самолете Платон любил занимать место у окна, но сегодня он поблажек не заслужил. Из-за него в тысячах метрах внизу сейчас неистово обижался Саша, и Надя даже не знала, простит ли он ее, или пора менять статус в соцсетях на «одинокая старая дева». Так ведь трудно сейчас найти себе достойного мужика!

– А я тебе отдам свой десерт, – предатель на соседнем кресле зашуршал оберткой от кекса с изюмом. – Ну? Смотри, какой вкусный. Как ты любишь. – Платон сменил голос на мультяшный писк: – Скушай меня, Надюша...

– По-твоему, так разговаривают углеводы? – она мрачно покосилась на него, но кекс все же отобрала. – И чтоб ты знал, я терпеть ненавижу изюм.

Она не льстила себе: вряд ли Платон расщедрился, чтобы добиться ее прощения. Просто он уже много лет не ел мучного и сладкого и старался любыми способами избавиться от искушения. В том числе передавая запретные продукты Наде.

Временами ей казалось, что она для него – один из контейнеров для раздельного сбора мусора. Стекло – в зеленый, пластик – в синий, а простые углеводы – Наде. И всякий раз, когда к Платону заявлялась Римма Ильинична, свято уверенная в том, что правильное питание – это то, что приготовлено с любовью, и приволакивала полные сумки домашней выпечки, все пирожки, плюшки и шанежки благополучно кочевали через Надю в семейство Павленко.

– И раз уж мы теперь помирились, я хотел взять билеты в Венскую... – начал было Платон, но запнулся, наткнувшись на свирепый взгляд Нади. – Чего?

– *Помирились?* – процедила она тем же тоном, которым обычно самые черные ведьмы насылают свои самые черные проклятия. – Меня из-за тебя Саша бросил!

– Ну, он ведь так прямо-то не сказал...

– Ну да, ну да, – она разломила несчастный кекс пополам. – «Больше мне не звони» – это же, считай, на свидание позвал.

Платон с опаской покосился на изничтоженный символ примирения.

– Кекс-то здесь при чем? Так же нельзя с едой... Ты когда руки последний раз мыла? В аэропорту? – Платон поморщился, глядя, как она бесцеремонно выковыривает изюмины, кроша и терзая мучную плоть. – Постой, ты же не собираешься его теперь есть?

– А я вообще сегодня руки не мыла, – и Надя со зловред-

ной ухмылкой отправила в рот первый кусочек, отчего Платона передернуло.

Он был брезглив с детства. При всей своей любви к еде ни за что бы не съел то, что упало на пол или, не приведи господь, на стол в общепите. Как в одном человеке чистоплюйство сочеталось с абсолютной неразборчивостью в интимных связях, Надя не понимала, но сейчас ей до чертиков хотелось его помучить. Она знала: попади Платон во вражеский плен, нашлось бы всего два способа довести его до испуга, чтобы он сдал все пароли и явки. Первый – сыграть фальшивую ноту. Второй – засунуть палец в его еду. И сейчас Платон смотрел на нее с таким первобытным ужасом, как будто она не кекс поглощала, а добрую порцию опарышей.

– Прекрати... – он зажмурился и отвернулся.

– Фто-фто? – переспросила она с демонстративно набитым ртом. – Не флыфу!

– Женщина, ну сколько можно! На меня же крошки летят!

Впервые за целый день Надя испытала нечто похожее на удовлетворение. Ничтожно малая компенсация по сравнению с потерей парня, но все же приятно.

– Бессовестный ты... – она сделала большой глоток безвкусного кофе.

– Вечно ты из всего делаешь трагедию, – Платон отряхнулся и, убедившись, что от кекса осталась только печальная горка изюма, повернулся к Наде. – Вы же и встречались-то

всего ничего. Сколько там у вас свиданий было? Три? Пять?

– Два.

– Вот видишь, – заулыбался Платон. – А ты завелась. Найдешь себе...

– Два года, – перебила она. – Мы встречались два года.

– Но... Когда ты успела? Я бы заметил...

– А я сама не замечаю уже, есть у меня личная жизнь или нет, – Надя подняла руку, подзывая стюардессу. – Я просыпаюсь – и думаю о том, что там у тебя на сегодня. Ложусь спать – и думаю о том, что у тебя на завтра...

– То есть ты все время думаешь обо мне? – он придвинулся к ней поближе и кокетливо поиграл бровями.

– Да иди ты! – она ткнула его в бок и с облегчением передала поднос стюардессе. Вот сложит столик – и сможет полноценно повернуться к Платону спиной, не придется сидеть, соприкасаясь с ним бедрами. Была бы Надина воля, она бы воткнула между сиденьями звуконепроницаемый непрозрачный щит.

– Ну признайся, он же тебе даже не нравился, – напирал Платон, будто не понимая намеков. – Ты даже ни разу не заплакала, а женщины обожают реветь от неразделенной любви.

– А ты что, до слез меня хотел довести?...

Надя уже собиралась высказать все, что у нее накопилось, или хотя бы донести до Платона, что единственный мужчина, который не нравится ей по-настоящему, сидит сейчас

слева от нее и нарывается на тяжкие телесные повреждения. Но вовремя вспомнила, что Платона надо не просто доставить на репетицию с целыми руками и ногами, но и дать ему настроиться. И спор о том, кто виноват, этому не поспособствует. Пришлось выдохнуть и поскрести по внутренним су-секам в поисках терпения.

– Так, ладно, – Надя выпрямила спину и нацепила дежурную улыбку продавца-консультанта. – Репетиция в пять, до этого тебе надо пообедать. Могу поискать ресторан по дороге из аэропорта, тебя отправлю в концертный зал, а сама заселюсь в отель и потом заберу тебя с репетиции...

– Эй, ну погоди, – взмолился Платон. – Не включай опять робота, пожалуйста! Давай поговорим...

– Не стоит.

До конца полета Платон еще несколько раз предпринимал неловкие попытки помириться. То рожи корчил за спиной у пассажира, то изображал пальцами человечка, который решил вскарабкаться на Надю, как альпинист, и все время падал.

В пантомиме Платон был силен с детства. Всегда так делал на скучных уроках по музыкальной литературе. Они с Надей садились рядом, и пока убеленная сединами Элеонора Вильгельмовна дрожащим голосом распространялась о композиторах Могучей кучки, Платон ее незаметно пародировал, чем доводил Надю до колик. А она пыжилась и стискивала зубы, даже кусала свой кулак, чтобы не расхохотаться в

голос и не омрачить память Модеста Петровича Мусоргского.

Невозможно было злиться на Платона, когда он так сильно напоминал ей того мальчишку, плюшево-безобидного, что хотелось положить голову ему на плечо и спросить с улыбкой: «Да где ж ты пропадал-то все это время?» Но Надя держалась. И пусть пальцевый человечек-альпинист был забавным и трогательным, Надя знала: расслабится сейчас, и не пройдет и дня, как Платон выкинет очередной фортель. Нет, только деловой настрой и профессионализм, только так она могла сохранить лицо. Поэтому Надя без лишних церемоний пихнула Платону распечатки нот и велела ему сидеть и молча повторять свою партию.

В аэропорту Вены их ожидали сразу две неприятности: длинная очередь из китайских туристов на паспортном контроле и не в меру веселый таможенник. Кто не путешествовал по миру с музыкальным инструментом стоимостью в полсотни тысяч евро, тот ничего не знает о чувстве юмора. И когда бравый австрияк в форме решил, что виолончель на снимке в паспорте, – а всякому приличному инструменту полагается комплект документов, в котором разве что СНИЛС не хватает, – отличается от виолончели в чехле, Надя поняла: день будет долгим. Порой ей казалось, что проще перевезти через границу пару нелегалов, чем одну задекларированную деревяшку со струнами и смычком.

Пришлось включить все свое обаяние: улыбаться до за-

щемления лицевого нерва, изменить тембр голоса на кокетливое мурлыканье и вообще всячески изображать милую легкомысленную девицу, которая только и мечтала всю жизнь побывать в Австрии. Когда парень в фуражке собрал своих коллег на консилиум и соблаговолил пропустить Надю, Платона и виолончель, до репетиции оставалось всего два часа.

– Ты бы ему еще свой номер оставила и адрес гостиницы, – пробурчал Платон, когда они загрузились со всем багажом в такси.

– Вот когда нам на границе попадется девушка, мы бросим на баррикады тебя, – Надя подцепила ногтем крышку телефона, чтобы вставить местную симку.

– А блузку расстегивать было обязательно? – не унимался Платон, и Надя подумала, что в следующий раз лучше повезет его в чехле от виолончели. – Уж сразу бы кинула ему в кабинку лифчик, освободились бы час назад.

– Возьму на заметку. Давай телефон, я тебе тоже карту поменяю.

Конечно, ее задевало брюзжание Платона. Ишь, ревнивец выискался! Как будто не из его постели Надя с утра выпроваживала незнакомую девицу, чтобы они вообще успели на рейс. Но какой спрос с гения? Им прощается все.

Обижаться на курицу, несущую золотые яйца, было бы по меньшей мере глупо. Платон не просто толкнул Надю вверх по карьерной лестнице, он и был ее карьерой. Единственным

и самым ценным клиентом. Только благодаря Платону Надю стали замечать в агентстве. И пусть он вредничал и не имел ни малейшего понятия о том, откуда берутся документы и как их заполнять, пусть не умел ориентироваться в незнакомых городах и мог потеряться на открытой площади, а порой пускался в похождения, и Надя носилась с ним так, как не снилось и Римме Ильиничне, – пусть. Несмотря на все это он был ее кормильцем.

И да, временами ей ужасно хотелось высказать ему в лицо, какой он избалованный, или просто поколотить, а потом пойти к шефу и попросить любого другого музыканта, хоть баяниста или балалаечника, – она держалась. Знала, что Платон ее по-своему любит и никогда не предаст.

Высадив Платона у небольшого ресторанчика на Карлсплац неподалеку от Музикферайн – Венской филармонии, – Надя направилась в отель. Ноги противно жужжали, в ухе попискивало после посадки, но расслабляться было рано. В Вене она была впервые, но по остальной Европе поколесить успела и подозревала, что после десяти вечера город, скорее всего, вымрет, и можно будет сколь угодно долго стучать в запертую дверь небольшого отеля на окраине: до следующего утра никто и пальцем не пошевелит.

В отеле Надя сделала очередное на сегодня неприятное открытие: на австрийцев хваленый немецкий педантизм не распространялся.

– У меня бронь на два номера: Павленко и Барабаш, –

обратилась она по-английски к девушке на ресепшн.

– Да-да, Павленко, двойной номер, – расплылась в улыбке та и протянула Наде ключ-карту.

– Нет, вы не понимаете. Два номера. Цвай, – и для вящей убедительности показала два пальца.

Девушка, не переставая улыбаться так, что у Нади свело скулы, заглянула в компьютер и радостно кивнула.

– Доппельт, – сообщила она. – Две комнаты.

Словесный пинг-понг, состоящий преимущественно из «цвай» и «доппельт» и со стороны больше напоминающий переключку в немецких войсках, затянулся минут на десять. Надя позвала администратора, и тот, расшаркиваясь в извинениях, уже на полноценном английском донес до нее, что произошла ужасающая техническая ошибка, и номер у Нади забронирован только один. Предоплату вернуть, к сожалению, никак нельзя, и пусть это пятно позора навечно заклеит их семейный бизнес. Других свободных номеров нет, но если Наде угодно, она может без труда подыскать другой отель поблизости, а здешний носильщик поможет ей с багажом. Или, исключительно из уважения к Наде, администратор готов предоставить бесплатную бутылку шампанского и вазу фруктов в качестве компенсации.

Будь у Нади чуть больше сил и не растрать она свой запал на Платона, Сашу и бравого таможенника, она бы точно отправилась в другой отель. Из принципа. Не любила поощрять халатность. Но сегодня бутылка шампанского казалась

Наде единственным средством, чтобы пережить уже этот дуррацкий день. Она манила и звала, и Надя будто уже слышала дразнящее перешептывание пузырьков и представляла, как нальет себе полный бокал, вытянет ноги и закроет глаза. И даже перспектива делить с ванную с Платоном пугала уже не так сильно.

Надя сдалась. Да, поступила малодушно, но она собиралась похоронить эту тайну прямо здесь, на ресепшн, и скрыть от Платона весь пердимонюкль с номерами, а главное, комплимент от отеля. Потому что делиться шампанским в ее планы не входило. К тому же Платону все равно не стоило пить накануне важного концерта. А что касается фруктов... Что ж, может, она и оставит в вазе пару яблок.

Номер был скромный – на большее принимающая сторона не расщедрилась. Но Надя многого и не ждала: ей требовались только тишина и ортопедический матрас. И сейчас она бы с удовольствием насладилась и тем и другим, однако надеяться на то, что Платон сможет сам, без приключений добраться из филармонии, было бы слишком опрометчиво.

Надя не знала даже, чего опасается больше: что он заплутает в венских указателях или что уйдет с репетиции с какой-нибудь второй скрипкой. И хотя Наде было совершенно наплевать на интимные развлечения Платона, она подозревала, что этот новоиспеченный дуэт разразится прямо у нее за стенкой, а ей сегодня полагалось оплакивать свои отношения, а не слушать чужие.

Уже садясь в такси до Карлсплац, Надя набрала господина Шульца, организатора концерта.

– Надия! – обрадовался он, будто весь день только и ждал ее звонка. – Я как раз был на репетиции! Это феноменально! Платон превзошел все мои ожидания. Но почему он все время молчит? У него все в порядке? Перелет прошел хорошо? Он здоров? Говорят, сейчас ходит какой-то ужасный грипп...

Надя зажмурилась от внезапного словесного обстрела и попыталась рассортировать в голове грудку вопросов. Хотя бы на две кучки: важные и вежливые.

– Все прекрасно, Томас, – ответила она наконец. – Платон всегда мало говорит накануне концерта, ему очень важно сосредоточиться, сами понимаете.

– О да, – понимающе протянул Шульц.

Вообще-то Надя врала. Но что еще ей было делать? Сдавать Платона с потрохами и рассказывать Томасу, что этот гениальный виолончелист превращается в табуретку, когда дело доходит до лингвистики? Сколько ни бились с ним репетиторы в школе, сколько словарных карточек Платон ни развешивал по квартире, сколько приложений ни качал, – стоило кому-нибудь обратиться к нему по-английски, он впадал в ступор и хмурился. Глядя на него случайный прохожий мог бы решить, что Платона вот-вот разобьет инсульт. И чтобы хоть как-то спасти имидж друга, Надя придумала эту легенду про предконцертные медитации.

Больше всего Надю удивляло, как при таком мощном иммунитете от иностранных языков Платон умудряется цеплять девушек в любой точке планеты. Видимо, когда у тебя не живот, а конструктор из кубиков, резко теряется необходимость в переводчиках. Не то чтобы Надя ему завидовала, но иногда ей тоже хотелось узнать, каково это, когда тебе не нужно приложение для знакомств. Но разве хоть одного мужчину способен довести до восторга и исступления талант импресарио?

Нет, Наде всегда доставались вторые роли. Вот и сегодня вместо того, чтобы слушать любимую сюиту Баха на репетиции, а потом уплетать настоящие европейские сыры на фуршете для музыкантов, Надя устремилась на встречу с Шульцем. Даже полюбоваться красотами Музикферайн толком не удалось: надо было проверить афиши, программки, уточнить, как идут продажи билетов и обсудить фотосессию после концерта.

Учитывая, что весь день прошел как сплошная полоса препятствий, Надя и не рассчитывала особо на идеальный его финал. Как раз напротив: по всем законам композиции перед развязкой следует кульминация, и грянула она, стоило Наде подойти к помпезному зданию филармонии.

Господин Шульц, невыразительный и бледный, как бухгалтер-вампир, будто нарочно облачился в костюм песочного цвета, чтобы сливаться со стенами и быстрее спрятаться, когда Надя узнает, что он натворил. Прямо над его ма-

кушкой красовалась афиша концерта «Новые солисты», и цепкий взгляд Нади сразу выхватил нужную строку. «Platon Varabas (cello)», – гласила она.

Родительское воспитание не позволило Наде взорваться на месте и кинуться на господина Шульца с воплями «Барабас? Вы издеваетесь? Как Карабас-Барабас?!» Конечно, для полноценной кульминации с катарсисом по всем фронтам ей было бы лучше поступить именно так, но зрителей вокруг не было, и масштаба драмы, кроме бедного Шульца, никто бы не оценил. А потому Надя расправила плечи, сверкнула дежурной улыбкой и елейно поинтересовалась:

– Простите, Томас, а вам не кажется, что здесь какая-то ошибка?

– Где? – растерянно заморгал Шульц.

– Мой клиент – Платон Барабаш. Это можно было записать, как «sh» или даже «sch», как у вас в фамилии. Или на польский манер «sz». Или хотя бы галочку поставить над «s», но не Барабас! Как я размещу фотографии афиши в его соц-сетях и портфолио, если там ошибка?

– Надия, мне так стыдно! – Шульц скорбно скривил тонкие губы. – Действительно, ошибка. Видите ли, недавно у нас выступал венгр Давид Барабаш, может, вы о нем слышали. Виртуозный кларнетист, его соло Стравинского – это что-то невероятное...

– Я с удовольствием послушаю записи, – Надя твердо отрезала пути к переводу темы. – Но какое это имеет отноше-

ние к Платону?

– Фамилия Барабаш на венгерском пишется именно так, и, возможно, наш сотрудник решил взять этот вариант за образец... В любом случае мне очень жаль. Приношу свои искренние извинения, – и Томас сделал шаг назад в тщетной надежде, что прямо сейчас разговор и закончится.

– Спасибо, – Надя шагнула к нему, пока он не затерялся на фоне великой Музикферайн. – Но я бы предпочла, чтобы вы исправили афишу.

– Что вы! – дернулся Шульц. – Мы не можем запустить новый тираж, и концерт уже завтра... У нас это не предусмотрено в бюджете. Но вам повезло: программы еще напечатали не все, и если я успею дозвониться в типографию...

– Успейте, пожалуйста, – Надя нависла над ним тенью возмездия. – И заодно уточните, нельзя ли напечатать пару новых афиш. Заменить хотя бы эти, у главного входа.

– Это очень дорогая полиграфия. Если для вас это так важно, я могу заказать в счет вашего гонорара, но тогда менять придется весь тираж. Могу договориться с руководством филармонии, – тусклые глаза Шульца радостно блеснули: он явно пришел в восторг от своей идеи.

Однако Надя была не готова разделить этот восторг.

– За счет нашего гонорара исправить вашу ошибку, – холодно уточнила она. – Не думаю.

– Но зато вы сможете добавить афишу к портфолио Платона! Это в любом случае огромный плюс, – Шульц приоса-

нился. – Музикферайн входит в тройку лучших залов мира.

– Хорошо, – Надя лихорадочно соображала, как выкрутиться из ситуации, не растратив гонорар.

Отчасти здесь была доля ее вины. Обычно афиши высылают на утверждение заранее, но Шульц юлил и оправдывался, ссылаясь на плотный график концертов, и Надя пошла ему навстречу, согласившись дотянуть до последнего. Радость от того, что Платон выступит в Вене, затмила организационные мелочи, и теперь пришлось за это расплачиваться. Надя не сомневалась: в Москве ей знатно прилетит от шефа, и про косяки Шульца он ничего слушать не станет. А потому надо было решать проблему срочно и малой кровью.

– Значит, заказать вам новые афиши? – Шульц с готовностью взялся за телефон.

– Нет, пока просто предупредите начет программ, – Надя задрала голову и, прищурившись, оглядела афишу. – А с этим я разберусь сама.

Глава 3

– Что вы делаете? – раздался снизу вопрос на немецком.

Надя покрепче уцепилась за раму афиши: стремянка под ногами опасно покачивалась.

– Все в порядке, я здесь работаю, – отозвалась она по-английски, потянувшись выше, рискуя сломать хребет и больше уже никогда не встать на ноги.

По крайней мере, в этом был бы один очевидный плюс: тогда бы ей не пришлось больше скакать вокруг Платона, разгребая бесконечный хаос.

– Могу я увидеть ваши документы?

Настойчивость незнакомца настораживала: простой зевака не стал бы интересоваться паспортом, и Надя рискнула осторожно посмотреть вниз. Там, у подножия стремянки, стоял полицейский.

– Конечно, одну минуту, – выжать улыбку Наде сейчас было так же трудно, как вручную выдавить сок из целого яблока.

Она всю жизнь боялась высоты. На самолетах летала спокойно, но стоило ей оторваться от твердой земли на пару метров, как к горлу подступала паника, хотелось распластаться и зажмуриться. Но других вариантов Шульц ей не оставил, и Надя, сняв зубами колпачок с маркера, начертила заветную галочку над буквой «s» на афише. Platon Varabaš.

Не совсем правильно, но хотя бы не Карабас-Барабас.

– Вы понимаете, что это вандализм?

Молодой полицейский смотрел на нее даже не строго, а с каким-то искренним недоумением. И вопрос его прозвучал так, будто он уточнял, осознает ли Надя, что только что нацарапала странный символ на здании Музикферайн прямо перед представителем закона. Видно, бедолага привык к тому, что уличные художники разбегаются от него, едва завидев темно-синюю форму, и не успел еще столкнуться с самоотверженностью русской женщины.

– Я просто исправила ошибку на одной афише, – Надя слезла, и едва ступив на асфальт, почувствовала себя увереннее.

Вообще-то афиша была уже пятая, но окончательно расстраивать австрийского полицейского Наде не хотелось. Она ощутила прилив сочувствия, когда он, открыв ее заграничный паспорт, поник, ссутулился и печально выдохнул:

– Русская...

В одно слово он вложил всю тоску, всю разрушенную надежду на тихое спокойное дежурство, а после смены – на вечер с мамой, папой и любимой тетушкой Августой.

– Я – агент господина Барабаша, – Надя указала на афишу. – Организаторы концерта неправильно указали его фамилию.

– В таком случае вам следовало обратиться к ним, – полицейский достал планшет и принялся сосредоточенно возить

пальцем по экрану. – А то, что вы делали, запрещено...

Надя вытянула шею, и, прежде чем полицейский спрятал от нее гаджет, успела разглядеть слово «протокол».

– Нет, пожалуйста! – взмолилась она, инстинктивно тронув парня за плечо, и тут же поняла, что совершила ошибку.

Полицейский отшатнулся от нее, будто она вытащила складной ножик, в глазах его мелькнул неподдельный ужас. Сколько ему было, этому юному блюстителю правопорядка? Немногим больше двадцати? Что называется, не нюхал пороха, зато, вероятно, слышал от коллег байки про безжалостную русскую мафию.

– Давайте сделаем так, – мягко, как на переговорах с террористом, продолжила Надя. – Я позвоню господину Шульцу, он вам все подтвердит. А это, – она продемонстрировала фломастер, отчего полицейский вздрогнул. – Маркер для доски. Он стирается, понимаете?

Трудно было сказать, понимает ее парень или нет, но рука его легла на рацию, и Надя обреченно закрыла глаза. Всяким ей приходилось жертвовать ради Платона: временем, нервами, сном, личной жизнью, в конце концов, но свободой – еще никогда. Она уже видела себя в полосатой робе с кандалами на ногах в тесном тюремном двореке, где все стены почему-то увешаны афишами с довольной физиономией Платона.

– Вам придется поехать со мной.

– Подождите! – Надя поскорее вытащила смартфон, что-

бы набрать Шульца. – Это человек из Музикферайн... Сейчас, одну секунду... Он подойдет...

Она специально включила громкую связь, чтобы полицейский не заподозрил ее в махинациях. Парень недоверчиво замер, и Надя приняла это за хороший знак. Во всяком случае, он до сих пор не уложил ее лицом в асфальт и не скрутил руки за спиной. Сейчас только Шульц объяснит, что это из-за него она карабкалась по стенам, как человек-паук, и выложила десять кровных евро уборщику из филармонии, чтобы он одолжил ей стремянку. А, и еще четыре девяносто девять за маркер.

Однако из динамиков слышалась только заунывная баллада про абонента.

– Сейчас, я еще раз... – Надя попыталась сбросить звонок, но руки дрожали, и сенсорный экран не реагировал. – Давай же...

– Прошу вас, пройдем в машину.

– Нет, я... Господин Шульц... Томас... – весь кислород из воздуха словно исчез, и Наде стало нечем дышать.

Грудную клетку зажало невидимыми тисками, анаконда паники свернулась тяжелым клубком вокруг шеи.

– Вам плохо?

– Я... – Надя отчаянно пыталась вдохнуть, согнулась, опершись на колени и хватая ртом воздух.

Такого с ней не было еще никогда: Надя всю жизнь считала себя боевой и смелой, не боялась ничего, кроме высоты,

да и то научилась справляться с собой. Залезла ведь на стремянку, смогла! А тут вдруг испугалась до чертиков какого-то полицейского. Ну что он мог ей сделать? Отвезти в участок? Арестовать до выяснения обстоятельств? Штраф выписать?

Умом Надя понимала, что никакой глобальной катастрофы не произойдет, но разум будто отделился от тела и самоизолировался в какую-то маленькую коробочку глубоко внутри.

– Все будет хорошо, – неуверенно шептал он оттуда.

– Нас посадят! Мы умрем за решеткой! – верещала паника и металась как ненормальная, натыкаясь на своды черепа.

Откуда-то издалека до Нади донеслась немецкая речь. Она учила этот язык не так долго и усердно, как английский, и не смогла собрать все воедино. Застопоренный шоком мозг выхватил только два слова: «Музикферайн» и «ретунгсваген». Второе, кажется, означало «скорая помощь».

– Нет, – Надя вцепилась в руку побелевшего полицейского и замотала головой, будто хотела вытряхнуть оттуда мерзкую писклявую панику. – Нет, я... Все нормально...

– Дышите, – на сей раз парень не стал шарахаться от Нади. – Дышите вместе со мной.

Он набрал полную грудь воздуха и, сложив губы трубочкой, медленно выдохнул. Надя заставила себя повторить, и в первый раз у нее получилось что-то странное, но уже на втором выдохе стальные тиски потихоньку разжались. Она вспомнила, что всегда носила в сумочке бутылку минерал-

ки для Платона, и сейчас с радостью сделала пару больших глотков. Солоноватая вода прокатилась вниз, смывая остатки страха, и у Нади чуть коленки не подкосились от облегчения.

Полицейский, забыв про арест и протокол, заботливо проводил ее к ступеням филармонии. Надя присела, наплевав на чистоту любимых черных брюк. В одно мгновение паника сменилась полнейшей апатией: на лбу проступил холодный пот, отложило наконец ухо после полета, а руки безвольно повисли.

– Понимаете, – доверительно начала Надя. – Он – мой главный клиент, – и, наткнувшись на вопросительный взгляд полицейского, добавила: – Платон Барабаш. Я так долго ждала, когда смогу организовать концерт в Вене, а он... Вы знаете, что он сделал сегодня утром?...

Парень в форме явно и не мечтал о карьере психоаналитика, но сегодня ему представилась прекрасная возможность попробовать себя в новом амплуа. Надя, сама не понимая, зачем, вдруг вывалила на совершенно ей незнакомого человека все что накопилось на душе. А накопилось, спасибо Платону, немало.

Надя поведала и про Сашу, такого чрезвычайно положительного и умного, и про девицу с телячьим взглядом, и про таможенника, и даже про отель. И когда история дошла до кульминации с участием Томаса Шульца и злосчастной ошибки в афишах, Наде стало так жалко саму себя, что на

глаза навернулись слезы.

Да-да, она, сотрудница лучшего музыкального агентства страны, всегда такая собранная и пуленепробиваемая или, как говаривал папа, «деловая колбаса», сидела на ступеньках Венской филармонии и рыдала в форму австрийской полиции.

На парня в фуражке было печально смотреть. Его, наверное, инструктировали на все случаи жизни: перестрелки, захваты заложников, погони, но что делать с плачущими женщинами, которые рисуют на афишах, предупредить забыли. Со скорбной миной страстотерпца он неловко похлопывал Надю по трясущимся плечам, и если бы кто-то мог в тот момент услышать его мысли, это было бы что-то вроде: «И почему я не пошел выписывать штрафы за парковку?»

– Надя?! – удивленный голос Платона заставил ее судорожно всхлипнуть, а полицейского – подскочить и поправить подмоченную слезами форму.

– Чем могу помочь? – обратился он к Платону на немецком.

Тот тут же нахмурился, поджал губы и уставился на Надю.

– Что он хочет? – спросил он на родном языке. – И что вообще у вас тут стряслось?

Надя шмыгнула, вытерла нос тыльной стороной ладони и встала.

– Меня арестовали, – она повернулась к полицейскому и перешла на английский. – Все нормально, это мой клиент.

Платон Барабаш. Я предупредила его об аресте, можем ехать в... – произнести это слово язык не поворачивался. – В... Куда надо.

– Тот самый Барабаш? – брови полицейского сдвинулись на переносице, он бросил на Платона такой взгляд, словно тот был маньяком-рецидивистом, а в увесистом чехле для виолончели держал расчлененную жертву. – А знаете... Я еще не оформил протокол... Думаю, на первый раз можно забыть об этом инциденте. Только пообещайте больше не рисовать на афишах.

– Правда?! – Надя недоверчиво моргнула, оставив на мокрых веках черные отпечатки ресниц.

– Вы же просто хотели исправить ошибку, – дернул плечом милосердный страж порядка.

Наде не так часто приходилось сталкиваться с полицией, но она подозревала, что вряд ли у них там подобный гуманизм – обычное дело. Прямо сейчас на ее глазах случилось чудо, и от радости слезы накатили с новой силой. Подумать только: здесь, в чужой стране, нашелся человек, который первым за целый день решил сделать ей что-то хорошее!

– Спасибо, – слетело с Надиных дрожащих губ.

Она убеждала себя, что пора бы уже перестать плакать, что проблемы позади, но катарсис было уже не остановить. Невразумительно пискнув, она кинулась на шею полицейского, уткнулась носом в жесткий воротник и зарыдала снова, – на сей раз от счастья.

Со стороны это выглядело так, будто женщина, уже считавшая себя солдатской вдовой, встречает с войны внезапно живого супруга. Проходящие мимо туристы останавливались, гадая, не постановка ли это местной театральной труппы, а какая-то девушка в панаме даже сделала селфи на фоне странной троицы: Нади, ревушей на плече полицейского, и Платона с виолончелью в руках, взирающего на все это круглыми, как пятирублевые монеты, глазами.

Пару минут Наде потребовалось, чтобы вернуть самообладание и отстраниться наконец от своего венского рыцаря. По его озадаченному лицу явственно читалось: парню будет о чем рассказать штатному полицейскому психологу.

– Вот, – Надя протянула парню маркер. – Возьмите. Мне он больше не нужен.

Задуматься, зачем фломастер патрульному, Наде в тот момент в голову не пришло. Она буквально вложила орудие преступления в руки правосудия, поправила зарезанную форменную куртку, взялась за стремянку и, вколачивая каблуки в асфальт, двинулась внутрь филармонии.

– Ты ничего мне не хочешь объяснить? – Платон догнал Надю уже в фойе.

– Честно? – она с достоинством расправила плечи. – Нет.

Вернув стремянку в каморку уборщика, Надя перекинула сумочку через плечо и выжидательно уставилась на Платона.

– У тебя закончилась репетиция? – спросила она. – Мы можем ехать в отель?

– Подожди, в таком виде и поедешь? – Платон как-то странно прищурился, вглядываясь в ее лицо.

– А что не так?

– Нет, если ты решила косплеить Джокера, то все нормально.

– Какого еще?... – на автомате начала Надя, а потом вспомнила жуткую размазанную физиономию с плаката в кинотеатре. Кажется, Платон еще предлагал ей сходить на этот фильм, но она тогда как раз договаривалась о концерте в Питере, и ей было не до развлечений. – Того самого?! – ахнула она и метнулась к широкому ростовому зеркалу у гардероба.

Теперь-то пазл сложился. Надя мгновенно поняла, почему так шарахался от нее полицейский, почему вздрогнул, когда она повисла у него на шее. И почему туристы приняли их за уличных артистов, а уборщик вместо того, чтобы обрадоваться возвращенной вовремя стремянке, поперхнулся кофе и закашлялся. Потекший от слез макияж сделал Надю живым воплощением кинопсихопата, разве что росчерков красной помады на щеках не хватало.

Борясь с желанием по-черепашьи спрятать голову в воротник, Надя кинулась в дамскую комнату, выдавила целую пригоршню мыльной пены и принялась с таким ожесточением втирать ее в лицо, что Мойдодыр, увидев такое ее рвение, не преминул бы поставить Наденьку всем пионерам в пример.

Убедившись, что ничего больше в ее облике не указывает на недавнюю истерику, Надя вернулась в фойе. Мысленно она уже воссоединилась с бутылкой прохладного шампанского и ортопедическим матрасом, однако Платон, видно, задался целью добить своего лучшего и единственного агента.

Он стоял, вальяжно подперев стену, и, чуть не мурлыча, обменивался флюидами с худенькой белобрысой девицей. Говорила преимущественно она, Платон же бессовестно улыбался и источал феромоны. Надя готова была поспорить на все что угодно, включая знаменитую виолончель Барабаша, что он ни слова не понимает из щебетания своей собеседницы, но это его совершенно не смущало.

Да, из всех инструментов Платон явно выбрал виолончель не просто так. Играй он на чем-нибудь полегче, Надя бы уже давно нашла способ отколошматить его собственным орудием труда. Скрипкой, к примеру, или фаготом. А сейчас вот даже увесистой папки с нотами под рукой не оказалось.

Надя не знала, как поступить. Ее подмывало сбегать обратно за стремянкой и лично стереть каждую с таким трудом нарисованную галочку. Боялась она только одного, что второго шанса тот милый полицейский ей не даст, и день точно закончится на австрийских нарах. Хотя кто знает? Если в камеру не пускают Платона, может, там не так уж и плохо?

Надя уже занесла ногу, чтобы направиться напрямиком к Платону и, если понадобится, зубами отковырнуть его от очередной прелестницы, но в последнюю секунду передума-

ла. Она поняла вдруг, что смертельно устала и не готова быть вечной нянькой для взрослого человека. Если Платону угодно, пусть за ночь перечпонец всю женскую половину Вены. Будет этого мало – может зайти на мужскую, Надю это уже не волновало. В городе, где трудятся такие гуманные и всепрощающие полицейские, Платон не умрет от голода и холода. К тому же в случае заморозков он всегда может разжечь костер из своей виолончели.

Поэтому она, вскинув подбородок и нацепив маску тотального безразличия, прошествовала мимо Платона, будто никогда не была с ним знакома. И фойе Музикферайн огласилось ритмичным гулким стуком ее каблуков.

– Надя! – спохватился музыкальный донжуан. – погоди! – Он ринулся за ней и лишь перед самыми дверями успел перекрыть собой выход. – Ты злишься?

– Я?! – Наигранное удивление прозвучало на октаву выше Надиного обычного тембра. – Ну что ты, ничего подобного.

– Перестань, ты ходишь маршем, я тебя знаю, – Платон оперся рукой о косяк, не давая Наде пройти.

– Какой марш, ты о чем? – Она выстрелила в него надсадной дробью смеха. – Я просто устала, Платон, и хочу в отель. Если у тебя на вечер... – Надя покосилась на девушку, которая переминалась с ноги на ногу в ожидании кавалера – ...планы... Короче, я в номер, геолокацию тебе скину.

– Надь, постой...

– И имей в виду, – перебила она и опустила руку Плато-

на. — У нас сдвоенный номер, поэтому не вези свои «планы» ко мне за стенку.

— Да не собирался я ничего такого! — Платон мастерски изобразил оскорбленную невинность. — Это Виктория, наша альтистка. Мы концерт завтрашний обсуждали.

— Обсуждайте на здоровье, — медоточиво улыбнулась Надя. — В Вене полно недорогих гостиниц для обсуждений.

— Павленко! — не стерпел Платон и схватил ее за плечо. — Дай мне пару минут, я попрощаюсь с Викторией, мы вместе поужинаем и поедem в отель. Хорошо?

— Прекрасно, — кивнула Надя, но вовсе не потому, что в очередной раз пошла на уступку.

Ей надо было только, чтобы Платон отпустил ее плечо и отвлекся на свою Викторию. И едва он вернулся к альтистке, как Надя пулей вылетела из филармонии, обогнула здание и заказала такси. Всякому терпению приходит конец, даже тому, которое кажется безграничным.

И, усаживаясь в машину с шашками, Надя уже лелеяла новый план. Приедет в Москву, заявится к шефу и попросит нового клиента. Раньше никто бы к ее просьбам не прислушался, но ведь раньше ее подопечный и не выступал в залах такого уровня! Любой другой агент был бы счастлив заполучить кого-то вроде Платона, а Надя... Что ж, она заработала себе репутацию, показала себя в работе безупречно. И шеф не захочет терять подобного сотрудника. Пусть он даст ей вместо Платона двух или даже трех новых клиентов, — Надю

уже ничего не пугало. Она готова была пешком обойти все престижные и не очень музыкальные конкурсы, отыскать десяток перспективных исполнителей, лишь бы не связываться больше с эгоистичными бабниками. Платон ошибся: она вышагивала не марш. Она отбивала чечетку, потому что наконец твердо решила начать новую жизнь.

Едва зайдя в номер и сбросив туфли, Надя выслала Платону адрес отеля и метку на карте, потом занырнула под душ, завернулась в белый отельный халат и откупорила свою награду. Шампанское приветственно зашипело, суля избавление от проблем.

Бокал, другой, горсть винограда, еще бокал... Вечер становился прекрасным, и даже отсутствие Платона Надю уже не волновало. Правда, когда в бутылке оставалось совсем немного, Надя вспомнила, что не успела еще разобрать чемоданы. Перед завтрашним концертом ее платье и костюм Платона должны были отвисеться. В идеале было еще их прогладить или сдать в химчистку, но Наде надоели скучные правила.

Она вспомнила, что видела как-то в Интернете забавный лайфхак: вместо того чтобы мучиться с утюгом, достаточно просто повесить одежду на вешалке в ванной, принять душ погорячее – и через пять минут на вещах не останется ни единой складочки.

Пузырьки шампанского заговорщически щекотали Надю изнутри, призывая к экспериментам. Включив погромче

Штрауса, – а кого еще слушать в Вене? – Надя, вальсируя по комнате с бокалом, открыла чемоданы, изящно нацепила концертные наряды на вешалки и протанцевала в ванную. Соседям снизу несказанно повезло: мягкий ворс ковра глушил ее звонкие ступни.

Под чарующие аккорды «Венского вальса» Надя представляла себя обворожительной юной дебютанткой на королевском балу. Заткнула ванну, включила горячую воду и вылила целый пузырек гостиничного геля для душа. Затем выплеснула в бокал остатки шампанского и приспустила с плеч халат, чтобы он напоминал платье, кокетливо повела плечом перед зеркалом.

– О, мадемуазель, – проворковала она своему отражению. – Вы не окажете мне честь?... Право, ваша красота ослепительна! – и тут же с ложным смущением опустила ресницы. – Ах, вы мне льстите... Я бы с радостью потанцевала с вами, но меня сопровождает господин Барабаш.

Воображаемого ухажера это, судя по всему, нисколько не смутило.

– И где он? – проговорил он низким Надиным голосом. – Если он настолько глуп, чтобы оставить такой бриллиант без присмотра...

Сбросив халат на пол, Надя повела плечом и сделала большой глоток.

– Ну, если вы настаиваете... – и шагнула в пенную воду. Прикрыв глаза, она мысленно закружилась в танце с пре-

красным голубоглазым юношей. Надина фантазия не знала границ: на всем балу не оказалось пары грациознее, гости расступились, в восхищении наблюдая за неизвестной красоткой.

– Кто она? Вы знаете ее? – шептались они.

А Надя украдкой искала в толпе Платона. Его не было ни среди гостей, ни среди слуг. И лишь когда заиграл «Голубой Дунай», Надя разглядела наконец его на задворках оркестра: бедолага потел за своей виолончелью и с тоской поглядывал на Надю и ее галантного спутника.

– Ну вот... – услышала Надя его вздох отчего-то прямо у себя над ухом. – Приплыли...

– Ах так?! – разозлилась она. – Знаешь что!... – и выложила Платону все, что думала.

Со вкусом прошла и по его махровому эгоизму, и по бесстыжему кобеляжу, а на десерт вгрызлась в инфантилизм и несамостоятельность. И лишь после этого по телу растеклась приятная невесомость, а в душе воцарилась гармония. Да, Надя наконец почувствовала себя свободной – и потому беззаботной и счастливой.

Глава 4

– Надь! На-а-адя! Надюша! – свистящий шепоток пощекотал ей уши, и Надя, поежившись, замотала головой. – Пора вставать, спящая ты моя красавица.

Глаза ни в какую не хотели разлепляться, будто кто-то промазал ресницы суперклеем.

– Не-надо-не-хочу-перестань... – пробормотала она одним слабо понятным словом и поморщилась.

Вот точно такое же ощущение было у Нади в губах после анестезии у зубного: собственная плоть казалась куском резины, и хотелось жевать ее, чтобы вернуть чувствительность.

– Уже три часа, – голос Платона настойчиво вклинивался в разомлевший со сна мозг.

– Ты так поздно притащился? – Надя попыталась накрыться одеялом с головой, но оно почему-то уползло вниз. – Имей совесть!

– Так три часа дня, не ночи.

Прохладный воздух окутал разгоряченное тело, и Надю прострелила ужасная догадка: никакой одежды! В смысле, вообще! Надя подскочила и села на кровати, беспомощно озираясь по сторонам.

Платон стоял у изголовья и, тактично прикрыв глаза ладонью, протягивал Наде халат.

– Боже... – она чуть не кубарем скатилась на пол, замо-

талась в халат и затянула пояс так, что на мгновение стало трудно дышать. – Ты... Я... Что...

– Если ты хочешь знать, что вчера было, – преспокойно начал он, – то ничего такого, за что мне стоило бы просить прощения.

– Твою же, Барабаш! – Надя схватилась за гудящие виски: комната пошатнулась, как корабль в шторм, и к горлу подкатила желчь. – Можно по-человечески?

– Вот, выпей пока, – убедившись, что позориться Наде больше нечем, Платон убрал от лица руку и взял с тумбочки стакан с водой.

– Что это?

– Травить я тебя не буду, хотя после вчерашнего у меня пару раз возникали такие мысли, – ухмыльнулся Платон. Потом, видно, осознал, что она не в состоянии воспринимать сарказм, и добавил: – Да пей же! Сгонял с утра за таблеткой от похмелья. Уже развел.

Надя с подозрением посмотрела на Платона, потом на стакан – и снова на Платона. Нет, жажда была сильнее страха, да и смерть ей сейчас казалась вполне гуманной. Жадно присосавшись к стакану, она опустошила его в несколько глотков. Платон не врал: привкус желчи исчез, а чугунный гонг в голове стих. Вместо похмелья на Надю обрушилась реальность.

– погоди, – она убрала стакан и выпрямилась. – Три часа?! Дня?! У тебя же генеральная репетиция в половине пя-

того! И костюм... Господи!.. Почему ты меня раньше не разбудил?!

– Во-первых, я пытался. А во-вторых, – Платон кивком указал на вешалку в чехле. – Я подумал, что тебе надо отоспаться получше, а с костюмом я и сам разобрался. Ты в курсе, что в соседнем доме химчистка? Дерут, конечно, зверски, но все сделали быстро. Кстати, платье твое я заодно тоже сдал.

– Так. Репетиция через полтора часа, надо заказать такси... – Надя лихорадочно пригладила сноп соломы, в который превратились ее волосы, сделала пару шагов по номеру и остановилась перед зеркалом.

Такой она себя еще не видела, даже после школьного выпускного. С алкоголем они всегда были в добрых приятельских отношениях: пересекались иногда на праздниках и мероприятиях, а потом мирно расходились без взаимных претензий. Вчера же Надя позволила себе и шампанскому перейти все границы приличий. Настолько, что теперь из зеркала глядела, щурясь, незнакомая опухшая тетка. Из тех, кто обычно прячет лицо от камер в криминальных хрониках. И как Платон с его любовью к красивым женщинам смотрел сейчас на Надю без содрогания?

– Давай ты пойдешь в душ и почистишь зубы, – осторожно предложил он. – Не подумай, меня и так все устраивает, но, боюсь, в филармонии не поймут.

Надя невольно закрыла рот ладонью.

– А потом, – Платон протянул косметичку, – нам в номер принесут еду, мы перекусим и дружно со всем разберемся. Договорились?

– Но... Что вчера было? – пробубнила Надя, не убирая руки ото рта. – Ты поздно пришел? И эта альтистка... Она тоже меня видела?

– Сначала – душ, – бескомпромиссно отрезал Платон и подтолкнул ее в спину. – Потом – вопросы.

Когда Надя, смыв с себя позорное клеймо алкоголика, уложилась, подкрасилась и начала узнавать свое отражение в зеркале, в номере уже стоял передвижной столик с едой.

– Я позвонил маме, – Платон придвинул Наде стул. – Она говорит, что от похмелья лучше всего куриный бульон. Вот, я взял тебе порцию с гренками. Пахнет вроде ничего так.

– О, господи... Римма Ильинична... – простонала Надя. – Ты и ей рассказал?

– Не волнуйся, она думает, что это я здесь спиваюсь, – Платон ободряюще улыбнулся. – И даже жалеет тебя.

Надя прихлебывала горячий бульон, чувствуя, как к ней возвращаются силы. Римма Ильинична, как, впрочем, и всегда, оказалась права. И если бы не красочный рассказ Платона о том, что он увидел, вернувшись вчера с репетиции, Надя бы избавилась не только от головной боли, но и от стыда. Однако Платон в выражениях не стеснялся и чувств ничьих не жалел, возвращая Наде память со всеми деталями.

А дело было так. Едва заметив пропажу своего любимого

го агента, – так, по крайней мере, выразился новый Надин биограф, – Платон сразу же распрощался с Викторией и на первом же такси бросился в отель. Там его ожидала знаменитая картина про бурлаков: вода, переливаясь через края ванны, методично затопляла номер, а в центре этого потопа храпело тело.

Платон, конечно, перекрыл кран, выудил из пены свою Афродиту, которая бормотала что-то нечленораздельное, выскальзывала из рук спасителя и вообще вела себя довольно воинственно. Отбуксировав ее на кровать, Платон принялся собирать воду отельными полотенцами, а потом вернулся к Наде с ведерком из-под шампанского, потому как расстаться с выпитым она решила досрочно.

– И все это время я была голой? – Надя очень внимательно изучала кусочки петрушки в бульоне, потому что посмотреть Платону в глаза не позволял мучительный стыд. – В халат бы меня, что ли, одел...

– Вот как бы тебе объяснить попонятнее... – Платон отложил ложку и задумался. – Это как... Намылить тюленя и пытаться запихнуть его в пижаму.

– Чего?

– Когда-нибудь я тоже разденусь и напьюсь, чтобы ты на собственном опыте убедилась. – Он как ни в чем не бывало хрустнул стеблем сельдерея – ни на минуту не забывал про свою диету. – Короче, мне быстро надоело, и я смирился.

На этом история Надиного позора заканчивалась, и начи-

налось суровая действительность. До репетиции оставалось сорок минут, а потом концерт, автограф-сессия, фуршет – и с утра уже вылет. Надя хотела с утра пораньше встать, прогуляться по Вене, хоть чуть-чуть посмотреть новые места и насладиться красивым городом. Но нет, сама же лишила себя свободного времени, бездарно продрыхнув до обеда. И ладно бы еще Платон перетянул одеяло на себя и стал виновником ее потерянного дня, винить его Наде было проще и как-то даже привычно. Она давно смирилась с тем, что он подкидывал ей забот, это было так же неизбежно, как восход и закат, приливы и отливы, как Галя с ключом от кассы в любом российском супермаркете, в конце концов. Но испортить все самой... Это вызывало у Нади двойную досаду.

– А знаешь, – неожиданно произнес Платон, промокнув губы салфеткой, – тебе ведь не обязательно сейчас ехать со мной.

Надя насторожилась: где-то явно крылся подвох. Быть может, Платон вчера спалил Музикферайн и теперь не хотел, чтобы Надя увидела обгоревший остов? Или из-за него жестоко передралась вся женская половина оркестра, и теперь перед слушателями предстанет почти паралимпийская сборная по музыке?!

– Да я просто предложил! – Платон отшатнулся, захлестнутый волной недоверия. – Хочешь – сиди и слушай, как мы разыгрываемся. Или побеседуй с этим... Шмидтом, Шмерцем... Как его...

– Шульц, – машинально подсказала Надя.

– Неважно. Я подумал, ты захочешь посмотреть Вену, у тебя в запасе часа три. А потом просто придешь на концерт, как гость. Но если ты хочешь...

– То есть в филармонии все нормально? – Надя озадаченно склонила голову набок. – И я тебе не нужна? Ну, на случай, если ты забудешь канифоль или ноты, или расческу...

– Я же не маленький, – Платон явно верил в то, что говорил.

И в кои-то веки Надя решила ему довериться. На крайний случай у него был ее номер, и она почти не сомневалась, что не пройдет и получаса, как Платон начнет атаковать ее звонками и сообщениями с глупыми вопросами из разряда «Где мои концертные ботинки! Срочно!». И все же рискнуть стоило. Так Надя решила отметить грядущее освобождение от проблемного клиента.

Платон, впрочем, не позвонил. Ни через полчаса, ни позже. И Надя поймала себя на мысли, что вместо того, чтобы любоваться архитектурными красотами Вены, то и дело заглядывает в телефон, проверяя, нет ли пропущенных вызовов, положительный ли баланс и не пропал ли сигнал сети. Все было в норме, Платон молчал, а вот Надя вдруг почувствовала себя никому не нужной.

Быть может, она преувеличивала собственную незаменимость? Или сама была виновата в эгоцентризме Платона? Она все делала за него, как мамаша-наседка, просто приняла

эстафетную палочку у Риммы Ильиничны. Так не в этом ли крылась главная Надина ошибка? И стоило раньше предложить Платону свободу, чтобы он мог и себе, и людям продемонстрировать полную автономность?

Чем дольше Надя гуляла по городу, тем сильнее терзали ее сомнения. Она уже начала думать, что зря затеяла поход к руководству, и Платон, возможно, не так плох, как она привыкла о нем думать. Ведь осталось в нем что-то человеческое! Не бросил же он ее тонуть в ванне, не усвистал навстречу приключениям, а остался, как настоящий друг.

Ноги сами вывели Надю на Карлсплатц, к красному зданию Музикферайн. До концерта оставалась еще уйма времени, но отчего-то ни достопримечательности не радовали, ни музеи не манили к своим сокровищницам. Так всегда бывает: как только решишь перестать думать о ком-то, как все мысли только вокруг него и вертятся.

Осознав, что сопротивление бесполезно, Надя вызвала такси, и за полчаса до начала концерта уже стояла в вечернем платье у входа в филармонию. Она ждала настоящего ажиотажа: все концерты с участием Платона в России проходили в битком набитых залах. И потому Наде казалось, что и сегодня вся светская публика ломанется слушать нового русского гения.

Однако очереди к Музикферайн отчего-то не выстроились. Надя сверилась с часами, внимательно перечитала афишу: время и дата концерта были указаны правильно. По-

надеявшись на то, что в Австрии принято приходить заранее, и все зрители уже на местах, в предвкушении изучают программки, Надя направилась внутрь. И что же ее ожидало внутри? Полупустые гардеробы и несколько нарядных старушек в фойе.

Надя никогда не любила раздувать из мухи слона, но здесь уже давно не пахло насекомыми, а над залом витал призрак с большими ушами и хоботом. Потому что насчитать Наде удалось от силы человек сто в партере и чуть меньше – на балконах.

Призвав себя не паниковать, Надя отыскивала Шульца.

– Надия! – по обыкновению просиял он. – Вы чудесно выглядите!

– Томас, где все? – В светских реверансах уже не было нужды. – Сколько билетов продано?

Обычно рекламой концертов занимается принимающая сторона. И таких эпичных провалов за всю карьеру Нади не было ни разу. С тем же успехом она могла привезти в Вену ансамбль художественной самодеятельности из дома железнодорожника. И то они, будучи для Австрии экзотикой, собрали бы больше публики.

– О, не волнуйтесь! – Шульц замахал на Надю руками. – Люди еще подойдут. Пойдемте, я посажу вас в первом ряду.

Надя сидела, как на иголках, и беспрестанно вертелась. Слушатели и правда стекались в зал, но уж больно медленно. А если Платон увидит, как мало пришло народу? Запанику-

ет, расстроится, впадет в кризис или творческую депрессию? С людьми искусства это случается сплошь и рядом.

Лишь выход музыкантов на сцену отвлек Надю от судорожного пересчета голов. Платон должен был играть третьим и четвертым номером, до него выступали польская скрипачка и струнное трио. Надя вцепилась в сумочку похолодевшими пальцами, вытянулась, подавшись вперед, и ждала. Как в тумане, мелькали перед глазами чужие смычки и локти. Каждый раз перед выступлением Платона Надю охватывало смятение, словно это ей предстояло играть перед сотнями пар глаз. И пусть сама она давно рассталась со скрипкой, страх сцены забыть так и не смогла. До сих пор у нее от голоса конферансье потели ладони, во рту пересыхало, а пульс зашкаливал.

И вот наконец появился Платон. Из зала он казался совершенно другим, не таким, как в жизни. Величественным, что ли. Он как никто другой органично смотрелся в окружающей роскоши: золотой лепнине и фресках Венской филармонии. Надя не могла оторвать от него глаз: он по-свойски задорно улыбался публике, держался легко и непринужденно. И не знай Надя, как он всегда собирается с духом в гримерке, она бы решила, что он ни капли не волнуется.

Играли третью ре-мажорную сюиту Баха, которую часто ошибочно называют «Воздух». Зал утонул в густом сочном звуке. Улыбка сошла с лица Платона, вздулась на высоком лбу вена, ходуном ходил локоть, сильные пальцы ласково

мляли гриф. Наде казалось, что она проваливается в портал между реальностями, что ее уносит куда-то, и хотелось отдаться этим ощущениям с головой.

Когда слушатели зааплодировали, а музыканты поднялись на поклон, Надя вдруг отчетливо поняла одну вещь. Она всегда будет прощать Платона. Что бы он ей ни сделал. И бог с ним даже, с Сашей, рассорь ее Платон с родной матерью, Надя бы и тогда не смогла долго злиться. Потому что едва он брался за инструмент, для нее все переставало иметь значение. Весь мир превращался в горку несущественных пустяков по сравнению с этим звуком, что пробирался через барабанные перепонки в самую душу.

Это открытие было и простым, и страшным одновременно. Надя поняла, что Платон стал ее личным наркотиком. И пусть сегодня с утра вел себя, как ее лучший друг – впервые за много лет, – кто знает, что он сотворит завтра? Чего лишит ее, когда забудет о дружбе, а на горизонте появится еще одна девушка, готовая отдаться за пару сюит?

Надя не знала точно, влюблена ли она в Платона. Но пришло время взглянуть на себя со стороны: если бы он прямо сейчас спрыгнул со сцены и потащил ее в номер, она бы не смогла отказать. Да, порой ей казалось, что она его ненавидит, – не далее, как вчера она прокручивала в голове разные варианты казни с участием его длинного смычка, – но Платон подмигивал ей со сцены, и внутри все тянулось к нему, будто она когда-то умудрилась проглотить невидимый рыбо-

ловный крючок с его удочки. Зависимость. Болезнь – вот как это называлось.

Эмоциональные качели расшатали Надю основательно. Ночью она пыталась забыться в объятиях шампанского, а что дальше? Повышение градуса, смена веществ? И так до тех пор, пока она не проснется однажды на улице, на замызанной картонке в незнакомом городе, и лишь какой-нибудь добряк швырнет ей монетку на сухари?

С этим надо было заканчивать. И выходя из зала, чтобы проверить, готовы ли столики для автограф-сессии, Надя утвердилась в своем решении пойти к начальству и отказаться от Платона. Сказать ему об этом в лицо, когда он так радовался удачному выступлению? Нет, только не сейчас. Слишком уж счастливым он выглядел, сиял, как отполированный, даже походка пружинила.

– Ну как? – он уселся за столик и посмотрел на Надю как верный пес, который только что выполнил все команды хозяина.

Станный вопрос. Знал же сам, что гениально, как и всегда. Выложил на полную: волосы были еще влажными, словно Платон попал под дождь, а глаза лихорадочно горели.

– Отлично, – Надя не сдержала улыбку.

– Прекрасно! Ве-ли-ко-леп-но! – Как чертик из табакерки, не пойми откуда, выскочил Шульц, вихрем налетел на Платона и принялся трясти его руку. – Прорыв! Катарсис! Мы так благодарны, что вы согласились выступить у нас!

Надя не стала переводить Платону: от Шульца прямо-таки разило восторгом, и только слепоглухонемой не понял бы смысла его восклицаний.

– Спасибо, – по-английски ответил Платон. Уж это-то слово он сумел запомнить.

Надя оставила его наедине с благодарной публикой, а Шульца отвела в сторонку. Не хотела, чтобы Платон усомнился в своем успехе.

– А что с публикой? – понизив голос и стерев с лица улыбку, осведомилась она.

– А что с публикой? – вернул ей вопрос Шулец с искренним недоумением.

– Не было и половины зала! И как быть? Дирекция Музикферайн больше не захочет, чтобы Платон здесь выступал.

– Ах, это... – Шулец поморщился, будто обнаружил волос в тарелке с супом. – Да ничего страшного, поверьте моему опыту. Такое случается. Я же вам говорил: ходит какой-то новый грипп, люди боятся, пресса нагнала паники... Пустяки. Главное – Платон играл замечательно, и все это оценили. Вот видите? – он указал на столик Платона, и Надя обернулась.

К сожалению, ничего утешительного она там не увидела. Только стайку старушек, вспоминающих молодость и безбоянно флиртующих с Платоном. Благо, величественные стены Музикферайн не располагали к тому, чтобы просить автограф на нижнем белье, иначе Платону неизбежно при-

шлось бы расписаться на паре-другой панталонов.

Надя снова устремилась на выручку. Платон, конечно, улыбался своим престарелым поклонницам, но она знала его слишком давно, чтобы сразу считать усталость и напряжение.

– Благодарю вас, автограф-сессия окончена! – возвестила Надя по-английски и по-немецки. – Мы с нетерпением ждем новых встреч.

– Ты спасла меня... – выдохнул Платон, когда Надя препроводила его в гримерку, подальше от кокетливых морщинистых прелестниц. – Одна женщина решила, что я поляк, и стала мне рассказывать, что у ее отца тоже польские корни.

– А, то есть это ты все-таки понял? Успел подтянуть английский?

– Не знаю, как объяснить, – Платон расстегнул рубашку, и Надя отвела взгляд. – Но когда дело касается женщин, я как-то лучше понимаю иностранную речь.

– Даже если эти женщины помнят Вторую мировую?

– А что? Та, с палочкой, была очень даже ничего.

– Фу, гадость. Дай мне это развидеть!

– А вот это уже эйджизм!

– Чего?! – Надя подняла на Платона глаза и тут же пожалела об этом: он уже вовсю выпутывался из концертных штанов.

– Как расизм, только про возраст, – он залихватски ей подмигнул, и Надя поняла, что он в очередной раз издевается. –

Может, гульнем, а? Время детское, а я Вену так и не посмотрел.

– Поздно уже. С утра – вылет, – Надя заботливо водрузила костюм на вешалку.

– Да брось, тебе же хочется! Романтика, ночные огни, ресторанчик...

Наде и правда хотелось, но она знала, что не сможет долго молчать. Не пройдет и получаса, как совесть загрызет ее поедом, и она расколется. Признается Платону, что собралась передать его с красным бантиком на макушке другому агенту. И тогда все станет слишком сложно. Он начнет ее отговаривать, показывать умилительные пантомимы с пальцевым человечком. Или, не приведи господь, достанет виолончель и сыграет что-нибудь эдакое из популярного. Джазовое и хулиганское. И тогда все, пиши пропало. Конец всем грандиозным планам на светлое будущее. Надя сдастся, а дальше... Дальше по сценарию: падение в никуда и замызганная картонка на городской площади.

Потому-то она и отказалась от прогулки. И по той же причине соврала, что не хочет ужинать, и поскорее заперлась у себя в комнате в отеле, стараясь не слушать, как Платон напевает в душе. И даже в самолете раздобыла у стюардессы маску на глаза, сослалась на мигрень и сделала вид, что проспала весь полет. А в Москве, едва забросив вещи домой, поехала в агентство, словно боялась, что любое промедление заставит ее передумать.

– Олег Натанович? – постучала она в кабинет шефа.

– Да-да, Наденька, проходите.

Надя, сжав зубы, зашла. Она не любила, когда посторонние называли ее уменьшительным именем. Всегда представлялась полным. Надежда – звучно и солидно. Но почему-то каждый второй считал своим долгом через пару предложений понизить ее до Нади или и вовсе до Наденьки и Надюши. И ладно Платон: ему было позволено так ее называть, как-никак, столько лет дружбы за спиной. Но остальные? Почему они всегда опускались до подобного панибратства? Наденька – это ведь не знаток своего дела, не взрослая женщина, а какая-то девчонка в колготках, сморщенных на коленках.

– Олег Натанович, у меня к вам разговор, – Надя присела на край стула и огляделась.

Кабинет шефа был с пола до потолка увешан афишами, и никто не знал, какого цвета на самом деле там стены. Почему-то Олег Натанович не снимал старые плакаты, а новые лепил прямо поверх, бесконечно перемещал их и перевешивал, будто собирал огромный пазл.

– По поводу Барабаша, я так понимаю? – Воскобойников, о деловой хватке которого ходили легенды еще со времен Советского Союза, поерзал в кожаном кресле и снял изящные прямоугольные очки без оправы.

– Откуда вы... – Надя растерялась на мгновение, но вовремя спохватилась: пора уже было перестать удивляться, что Олег Натанович знает все обо всех. – В общем, я хотела бы

попросить у вас другого клиента. У Платона шикарное портфолио, перспективы, он будет не против остаться с нашим агентством, но...

Она резко замолчала, потому что Воскобойников замотал головой, отчего седые вихры над мочками его ушей всколыхнулись.

– Ответьте мне на один вопрос, Наденька. Вы с ним, с позволения сказать, перешли границы?

– Что?

– Личные отношения, роман, интрижка? – он наклонился вперед, будто хотел заглянуть Наде в самый мозг.

– Нет! Что вы, нет, конечно. Просто...

– Тогда послушайте меня, – тонкие губы Воскобойникова сжались, и интеллигентное лицо благонаправного старика стало жестким. – Ваша работа, с позволения сказать, никуда не годится. Я уже беседовал с господином Шульцем: на концерт в Вене не распродано и половины билетов. Вы поторопились – и сильно. Барабаш не готов был выступать на подобной площадке. Потому что туда надо заходить или с триумфом – или никак.

– Но... Я думала, это шаг вперед... – Надя ожидала чего угодно, только не разноса.

– Надо было готовить почву. Нарращивать популярность, нарабатывать имя. А это, – Воскобойников ткнул пальцем в афишу венского концерта, непонятно откуда взявшуюся на стене, – позор. Еще и с ошибкой... Я бы уволил вас, если бы

он вами так не дорожил. Словом, я даю вам полгода. И если через полгода имя Платон Барабаш по-прежнему будет пустым звуком для европейского слушателя, я выполню вашу просьбу: передам его другому агенту. А вас, Надежда, уволю.

Надя моргнула. Впервые Олег Натанович назвал ее полным именем, вот только особой радости это почему-то не принесло.

Глава 5

– И что ты теперь будешь делать?

Надя съежилась. На нее смотрели четыре пары глаз: Машкины, Ромины, Димины и Юлины. У Юли на груди еще висел Андрюха, но ему в свои два месяца до теткиных рабочих перипетий не было никакого дела.

Весь цвет семейства Павленко собрался на родительской кухне. Стоило Маше написать в общий чат под названием «Семейники» с кучей аляповатых эмодзи, что Надю вот-вот уволят и вообще у нее, по ходу, депрессия, как Юля подхватила младшего, а Дима отпросился у жены. Маше с Ромой ехать ниоткуда не требовалось: они вместе с Надей все еще обретались в четырехкомнатном семейном гнезде.

Такова уж была традиция Павленко: на чьи-то проблемы реагировали всем кланом. Тут же собиралась опергруппа, и хотел ли того виновник торжества, нет ли, – сообща разрабатывали план действий.

Надя была бы не против сейчас побыть одна, но сама допустила роковую ошибку: проболталась Машке. А та и рада была поднять тревогу и объявить чрезвычайное положение. Куда деваться? Пришлось выкладывать братьям и сестрам, к чему привела карьера музыкального агента.

– Не знаю... Может, написать по собственному? – Надя уныло потянулась за сушкой.

– Еще чего! – Машка звонко шлепнула сестру по руке. – Никакого заедания углеводами.

– Сейчас кризис, – Дима задумчиво потер отросшую щетину. Как только решил поддаться моде и отрастить бороду, так и трогал ее, не переставая, а то вдруг бы кто не заметил главный признак маскулинности. – Самой увольняться – самоубийство.

– А как я его тебе за полгода раскручу до уровня Мацуева? – возмутилась Надя. Легко всем советовать, когда они в этой сфере ничегошеньки не понимают!

– А Мацуев – кто у нас? – нахмурился Рома и тут же полез гуглить.

Что и требовалось доказать! Роме-то повезло: он выбрал такую профессию, что остаться без работы ему не светило вовсе. Будучи гейм-дизайнером, он от компьютера отрывался в двух случаях: когда хотел спать или в туалет. Даже еду ему мама, смирившись, приносила в комнату.

Забавно, но за него родители переживали сильнее, чем за остальных отпрысков, ведь Рома лет с семи почти не выпускал из рук джойстик. Даже ставили ему в пример Надю. Вот, мол, посмотри, сама решила музыкой заниматься, на скрипочке играет... И что в итоге? Рома заколачивает больше ста в месяц, и уже давно мог бы накопить на квартиру или ее снять, если бы ему не было настолько лень. А Надя впахивает, как проклятая, и ее же еще грозят уволить. И пойми после этого, где в этом мире справедливость!

– Дирижер, что ли, – пробормотала Юля, поморщившись от боли: третий из ее детей оказался самым прожорливым.

– А можно это как-то свернуть? – Рома брезгливо хмыкнул. – Мы тут, вообще-то, чай пьем...

– Это – твой родной племянник, – отрезала Юля. На прavaх старшей она из всех споров выходила победителем. – А будешь продолжать в том же духе, кроме него тебе некому будет подать стакан воды в старости.

– А, пианист, значит, – Рома отложил телефон на стол. – Ну да, у него в инсте несколько лямов подписоты. Поди, целая команда пиарщиков.

– Ну, вообще-то я тоже веду «Инстаграм» Платона, – Надя гордо приосанилась.

– О, дай глянуть! – оживился Рома и снова вцепился в телефон, как будто за пару секунд без гаджета у него начинали нестерпимо зудеть пальцы.

Надя, конечно, всеми силами стремилась осваивать просторы соцсетей. Понимала, что в двадцать первом веке без этого никуда. Но к особым успехам ее потуги не привели, хотя она исправно выкладывала фото и видео с концертов. Вообще-то Олег Натанович даже ставил ее в пример другим агентам: вот, мол, все по-современному, и оформление красивое.

– Тысяча подписчиков?! – Рома звонко хлопнул себя по лбу, а Дима, Юля и Маша синхронно покачали головами.

– Эпикфейл, систер, – осуждающе протянула Маша. – Да-

же у меня больше.

– У моей тоже около того, – поддакнул Дима. – Но она и не продвигается особо, так, селфится и беременное пузо выкладывает.

– Так это же классическая музыка! Ее сейчас почти никто не слушает!

Наде стало обидно: она-то рассчитывала, что братья и сестры ее поддержат и дружно ополчатся на Воскобойникова или хотя бы скажут, что ты, мол, сделала все, что могла, а твой труд никто не оценил, а они – вон что! Предательски ножом в спину...

– И откуда тогда у Мацуева несколько миллионов? – Дима аж подался вперед: ага, попалась!

– Так его по телику вечно крутят... – Надина уверенность в себе таяла с каждой секундой.

– Да кто его смотрит! – отмахнулся Рома. – Просто ты не можешь генерить нормальный контент.

– А знаешь, малой дело говорит, – Юлия забила последний гвоздь в гроб Надиной самооценки. – Тебе просто нужен план.

– И где я его возьму?

– А мы на что? – Дима ловко выхватил сушку и закинул в рот: с детства был чемпионом по пищевому баскетболу. Как-то даже с пары метров попал спящему отцу в открытый рот кукурузной палочкой. Правда, в углу потом стоял до вечера, зато очень собой гордился.

– Да, тебе просто нужен портрет целевой аудитории. – Странно было слышать подобные слова от кормящей женщины, но Юлия всегда хваталась за любую возможность отвлечься от детей и хоть ненадолго почувствовать себя деловой. – Опиши мне Платона. Кому он больше всего зайдет?

– Тут и думать не надо, – усмехнулась Надя. – Женщинам.

– Нет, ты опиши, – не унималась Юлия. – Может, сейчас найдем его фишку.

– Ну... – Надя прикрыла глаза, вызывая в памяти образ Платона на последнем концерте. – Он классический такой красавчик. Высокий, мускулистый... На виолончели так играет... Как будто это прелюдия. Не в смысле музыкальная, а в смысле...

– Мы поняли, – подала голос Машка. – В смысле секса.

Теперь всеобщее внимание переключилось на младшенькую.

– Так-так-так... – по-отцовски начал Дима. – А тебе откуда знать?!

– Мне вообще-то восемнадцать! – Машка с вызовом выпятила подбородок. – У меня тоже может быть личная жизнь!

– Да нет у нее никого, – успокоила старших Надя. – Просто мелодрамы с утра до ночи по телику гоняет.

– Ах, так!.. – Маша задохнулась от обиды. – А она... она... Ее парень бросил!

– Еще одного спугнула?! – все снова повернулись к Наде.

– Саше-то ты чем не угодила? – Юлия сочувственно вздохнула. – Такой хороший был...

– Это вас не... – начала было Надя, но Маша влезла вперед нее.

– Потому что она у Платона вечно торчит! Влюбилась, точно вам говорю!

– Я?! – пискнула Надя, потеряв свой нормальный тембр от возмущения.

– Ну точно, – констатировала Рома. – Втрескалась. Она всегда переходит на ультразвук, когда ее палят.

– Да не влюбилась я! – Надя аж вскочила. – Он... Он бабник, каких свет не видывал! Мне оно надо?

– Я когда свою встретил, тоже думал, что не по мне такая цаца, – Дима в очередной раз поскреб щетину и мечтательно уставился куда-то вдаль. – Думал, она меньше, чем за «лексус» не того... А она приличная девушка оказалась.

– Ну да, ну да, – саркастично скривилась Надя: Димина жена ей никогда особо не нравилась, лихо развела его на ипотеку и адскую работу с бешеными командировками. Но блажен, кто верует.

– Если хочешь знать мое мнение... – авторитетно затянул Дима.

– Не хочу, – быстро пробормотала Надя, но было уже поздно.

– Мужики гуляют от скуки. Или от недостатка уверенности в себе. А если ему мозги вправить... Я, кстати, и пого-

ворить с ним могу...

– Глупости! – Юля спрятала грудь и подняла Андрюху вертикально, подложив на плечо сложенную пеленку. – Горбатого могила исправит. Тут дело в другом: если он тебе правда нравится, то это кончится плохо. Лучше тогда уволься сразу и не встречайся с ним больше. Потом сама спасибо скажешь.

– Да не влюблена я ни в кого! – крикнула Надя, и Андрей обиженно заканючил на плече у матери.

– Ч-ч-ч-ч... – зашипела Юля, стрельнув в среднюю сестру неодобрительным взглядом. – Могла бы просто сказать.

– А просто вы не понимаете, – уже тише добавила Надя.

– Сядь уже, все мы поняли, – Рома кивнул на свободную табуретку. – Если тебе надо его раскрутить – раскрутим. Я тебе кину ссылку на бесплатный курс по SMM. Там прям по делу, и много крутых лайфхаков. Зазырь – и будет ясно. А я тебе потом одного чувачка дам. По таргету. Я его по блату в фокус-группу игрушки моей включил, он за бесплатно во все новинки рубится. Вот пушай и отрабатывает.

Надю не часто радовало обилие родственников, которые готовы были сунуть не только нос, но и все остальные части тела в ее жизнь, однако сегодня был не тот случай. Вооружившись наушниками, блокнотом и здоровенной кружкой кофе, она плотно засела за изучение секретов продвижения.

К утру голова гудела от переизбытка информации, а в глаза будто засыпали песку, но Надя чувствовала прилив вдох-

новения. Теперь она знала, что самый последний тренд – это короткие ролики, которые пользователи захотят расшарить по Сети. Идея созрела сама собой: Платон должен играть не на сцене, а специально для своих подписчиков. Подписчиц, точнее. И делать это так, чтобы они неизбежно к нему прикипали. Всего-то и надо было, что объединить два главных таланта Платона: игру на виолончели и гипнотическое влияние на женщин. И во все это добавить щепотку эротизма для хайпа.

Надя чувствовала себя Менделеевым, который только-только очнулся после своего знаменитого сна про таблицу. Разница заключалась только в том, что Надя еще не ложилась, а потому ей срочно требовалась пара часов отдыха – и в бой.

Распластавшись на кровати и завернувшись в одеяло, она готова была уже забыться сном победителя, но не успела она отдаться в сладкие объятия Морфея, как противная телефонная трель выдернула ее из дремы.

– Да! Павленко! – пробормотала она в трубку, старательно разлепляя отяжелевшие веки.

– Да! Барабаш! – передразнили ее на том конце.

Надя застонала и откинулась на подушку.

– Я сплю!.. – жалобно протянула она.

– Ты что, опять?... – Платон явно напрягся. – Слушай, если у тебя проблемы с алкоголем, у моей мамы на лестничной клетке живет один нарколог...

– Да не пила я! Просто всю ночь не спала...

– Это что-то новенькое! Не иначе с Шуриком помирилась? Какой он у тебя, однако, выносливый... – Платон хихикнул, как подросток, прочитавший в лифте неприличное слово. – Я хочу знать подробности!

– Я отключаюсь.

– Ну погоди, погоди! – взмолился он. – Я ж любя... У меня тут билеты есть на «Золотую маску», может...

– Никаких билетов, никаких масок, – отрезала Надя. – Я – спать, а после обеда буду у тебя. И разгреби бардак, – и она сбросила звонок, поставила телефон на беззвучный и до кучи запихнула под подушку. Чтобы уж наверняка.

Проснулась она под бодрое гроыхание посуды на кухне. Попробовала спрятаться от этого звука, но какое там! Если мама бралась за готовку, то заглушить могла даже воздушную тревогу.

– Ма-а-ам! Можно потише! – крикнула Надя, прорываясь сквозь звон кастрюль.

– О, Надек, ты уже проснулась! – зашаркали по коридору тапочки, и мама заглянула в комнату. – Заболела, что ли? Темно, как в бункере.

И, невзирая на Надины слабые протесты, раздвинула шторы и взяла со стола кружку из-под кофе.

– Маша говорит, тебя уволить хотят, – мама потрогала Надин лоб, словно той снова исполнилось пять. – Ты не переживай, у отца в автосервисе как раз приемщица в декрет

ушла...

– Мам, у меня есть работа. Все нормально.

– Ну вот и ладненько. Я там харчо варю, приходи, как умо-
ешься.

Надя дождалась, пока мама скроется в коридоре, и заста-
вила себя сползти с кровати. Бойтесь своих желаний, так
ведь люди говорят? Вот и Надя, всю жизнь сетовавшая на
нехватку родительского внимания, теперь внезапно огребла
его сполна. Аккурат к двадцати пяти годам, когда положено
уже вылетать из гнезда. А куда лететь, если зарплаты хватит
либо только на съемную квартиру, либо только на еду?

Впрочем, все, что ни делается – к лучшему. Теперь-то На-
дя это видела отчетливо, словно кто-то вставил ей в глаза
линзы. Ей и правда не хватало навыков грамотного продви-
женца, и, оказавшись на грани увольнения, Надя это осозна-
ла. Платон и его «Инстаграм» – вот ее пропуск к новому
уровню жизни. Раскрутив аккаунт и одарив подопечного ар-
мией восторженных фанатов, Надя наконец обретет свобо-
ду. И тогда-то ей будет плевать, оставит ее Воскобойников
в конторе или нет: она сможет стать частным концертным
директором. Узнав об истории успеха Барабаша, к Наде вы-
строится очередь из музыкантов, и она будет зарабатывать
даже больше, чем Рома. Но в отличие от него просиживать
треники дома не станет, а найдет себе отдельное жилье.

Поднявшись на этаж Платона с блокнотом в сумочке и
идеями в голове, Надя нажала кнопку звонка. Не хотела

больше выпроваживать незнакомых девиц без особой надобности: на рейс ведь они сегодня не опаздывали. Дверь распахнулась через пару секунд, Платон явно был наготове. И Надя от неожиданности сначала обернулась: не стоит ли у нее за спиной какая-нибудь красotka? Ведь не мог же он так расстараться именно к ее, Надиному приходу?

Мало того, что на сей раз Платон был полностью одет, так поверх спортивных штанов был еще и повязан фартук, а с плеча свисало клетчатое кухонное полотенце. Кому-то, видимо, пришло в голову поиграть в образцовую хозяйшку.

– Ты кого-то ждешь? – озадаченно нахмурилась Надя, и тут ее осенило. Ну конечно! На свете была только одна женщина, ради которой Платон бы пошел на подвиг домоводства. – Римма Ильинична приехала?

– Мама? Нет, чур тебя, – Платон поморщился и отмахнулся. – Я сказал ей, что у меня репетиции с утра до ночи всю неделю. Она, правда, хочет теперь послушать, что мы там репетируем, но я что-нибудь придумаю... Да проходи уже, что ты стоишь!

Надя осторожно шагнула через порог. Так аккуратно, словно пол под ее ногами мог разверзнуться в любой момент, и тогда бы выяснилось, что все вокруг – всего лишь иллюзия, а сама Надя до сих пор мирно спит в своей комнате.

– Я приготовил белковую запеканку с куриными грудками и цветной капустой, – Платон нагнулся, чтобы поставить перед Надей тапочки. – Калорий мало, а вкусно так, что паль-

чики оближешь.

– Давай начистоту, – Надя закрыла за собой дверь и оперлась о косяк, чтобы скинуть туфли. – Ты все-таки был с той родинкой у дерматолога? Тебе брали биопсию? Все плохо?

– Чего? – хлопнул глазами Платон.

– Тебе осталось жить несколько месяцев? – продолжала гадать Надя. – Иначе с чего бы ты вдруг решил меня покормить? Грехи замаливаешь?

– Вот уникальный ты человек! – Платон обиженно цокнул. – Простого «спасибо» было бы достаточно. Я что, не могу сделать обед своей лучшей подруге?

Надя чуть рот не разинула от изумления. Либо Платона подменили на границе с Россией, либо этой ночью над ним ставили опыты инопланетяне. Лучшая подруга? С каких пор? Да, в детстве они дружили, но за последние месяцы... Даже нет, за последние годы он ни разу не спросил, как у нее вообще дела. И тут вдруг такое? Подозрительно. Очень и очень подозрительно.

В чудеса Надя не верила, в благие намерения Платона – тем более. Либо он успел где-то накосячить по-крупному и теперь готовил почву, чтобы об этом сообщить, либо собирався попросить о чем-то существенном и ужасно неприятном. И, намыливая руки в ванной, Надя гадала, чем для нее обернется запеканка с куриными грудками. Запахи, конечно, в квартире витали дразнящие, но аппетит пропал начисто. Надя могла только осматриваться по сторонам, включив

дедукцию на максимум, и перебирать в голове самые ужасающие варианты событий. Заложил виолончель? В карты ее проиграл? Решил бросить музыку? Хочет сделать ремонт и временно поселиться в квартире Павленко? Или, не дай бог, подселить к ним Римму Ильиничну?

Надя вяло ковыряла вилкой запеканку и вполуха слушала беспредметную болтовню Платона. И вдруг ее словно молнией прошибло. Догадка была простой, но от этого не менее страшной. И, забыв про еду, Надя судорожно втянула в себя воздух, отчего кусочек курицы влетел не в то горло.

Надя распахнула рот, захрипела, как Дарт Вейдер, вцепилась в стол, отчаянно пытаюсь вдохнуть. Глаза наполнились слезами, грудь сдавило от нехватки кислорода. Платон сориентировался моментально: бросил вилку, ломанулся к Наде и, сдернув ее со стула, обхватил сзади, чтобы сделать прием Геймлиха.

Такое Надя раньше видела только в кино и всегда думала, что подавившегося человека достаточно просто похлопать по спине. Ей казалось неправдоподобным, что в фильмах застрявшая еда всегда выскакивает изо рта, как снаряд из рогатки. Но сейчас курица, пусть и частично, совершила первый в своей жизни полет. На удивление, дальний. Недожеванный кусочек мяса пересек кухню и впечатался в окно, будто убиенная птица всю жизнь мечтала о свободе.

– Дышать можешь? – Платон развернул Надю лицом к себе: вид у него был перепуганный.

– Где ты... – она жадно глотнула воздуха. – Где ты этому научился?

– Нигде. В кино видел...

Вот и отрицай после этого великую силу искусства!

– Слушай, – Надя рухнула на стул и отодвинула тарелку от греха подальше. – Признайся честно, а? Ты решил сменить агента? Или агентство?

Платон посмотрел на нее очень печально и внимательно. Потом приложил ладонь к ее лбу точь-в-точь, как недавно сделала Надина мама. А потом склонился над ней, заглянул в глаза и медленно, тщательно выговаривая каждое слово, спросил:

– Тебе вообще сегодня поспать не удалось?

Надя раздраженно закатила глаза и откинулась на спинку стула.

– Давай вот без этого цирка! – простонала она. – Просто ответь: да или нет?

– Нет. Ноу. Найн, – он обошел вокруг стола и сел на свое место. – А теперь, будь добра, поясни мне, дураку, откуда у тебя вообще такие мысли?

– Просто... – от облегчения Надю аж бросило в холодный пот. – На работе проблемы, а тут еще ты со своей запеканкой...

– Напомни мне больше тебя никогда не кормить! – Платон снова вскочил и бросил полотенце на стол. – Я тут стараюсь...

– Ну, извини. Перенервничала, – теперь Наде уже стало стыдно за свое поведение.

Она поняла, почему преступники становятся рецидивистами: когда от человека ждешь плохого, он невольно продолжает вести себя соответствующе. Может, и Платон по какой-то неясной Наде причине вдруг решил стать другим и сделать ей приятное, а она тут сидит, обвиняет его во всех смертных грехах и плюется курицей.

– Знаешь что? – Платон вдруг подошел к Наде и опустился на одно колено. – У меня к тебе предложение.

Паника, отступившая было ненадолго, накатила с новой силой.

– Не-е-ет... – машинально прошептала Надя. – Только не это!

– Сейчас было обидно вообще-то, – скривился Платон. – Но я о другом. Надежда Викторовна Павленко, будете ли вы моим агентом в болезни и здравии, в горе и в радости, отныне и во веки веков?

Надя физически не смогла не улыбнуться. Иногда Платон становился таким трогательным, что мог уделать по умильности целую стайку щенков лабрадора. И Надя тут же забыла, что всю свою гениальную стратегию затеяла только для того, чтобы от него отделаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.